

ПРОЛОГ

Как же объяснить? Как описать? Даже с точки зрения всеведущего наблюдателя...

Одинокая звезда, красноватая и тусклая. Стайка астероидов и единственная планетка, скорей даже луна. В эту эпоху звезда висела вблизи галактической плоскости, сразу за краем Запределья. Конструкции, возведенные на поверхности планеты, давно перестали быть различимы — за много эонов стерлись до реголитовой пыли. Сокровище покоилось глубоко под поверхностью. За сетью переходов в комнате, где царила тьма. Информация с квантовой плотностью упаковки уцелела. Миллиардов пять лет минуло с тех пор, как этот архив выпал из всех сетей.

Проклятие гробницы фараона, гротескная картинка из первобытной истории человечества, затерянная в веках. Когда кто-то озвучил эту мысль, все засмеялись — конечно, радуясь находке сокровища, — но решили-таки работать осторожно. Они намеревались провести здесь от года до пяти — небольшая компашка со Страума¹, программисты-археологи, их семьи и сотрудники. Года (а может быть, пяти лет) должно хватить на обратную разработку протоколов: вскрыть верхний слой, определить, из какой точки в пространстве и времени происходит сокровище, вывести пару секретов, коими обогатится Страумлианский Простор. А покончив с этим, обнародовать местонахождение. Возможно, они протянут сюда Сеть (тут определенности меньше — в конце концов,

¹ Straum — «поток» (норв.), созвучно stram — «быстрый, резкий, решительный». Как и прочие отсылки к скандинавской культуре и географии в «Пламени над бездной», эта объясняется тем, что замысел книги оформился у Винджа на конференции в норвежском городе Тромсё. Далее приводится толкование терминов, имен и названий скандинавского происхождения в тех случаях, когда возможна однозначная их этимология.

это же за краем Запределья; кто знает, какая Сила предъявит свои права на их находку).

Пока что на поверхности возникло лишь небольшое поселение, которое исследователи называли Высокой Лабораторией. На самом-то деле они были всего-навсего люди, забравшиеся поиграть в старую библиотеку. С применением автоматики, чистых и надежных средств. Опасности не предвиделось. Библиотека не была живым существом и даже собственной автоматики не имела (что здесь значило бы нечто много большее, чем человек). По-рыскать, пошарить, отобрать образцы, но осторожнее, чтобы ненароком не обжечься... Людям свойственно разводить костры и играть с огнем.

Архив выдал нужную информацию автоматам. Появились структуры данных, следом алгоритмы. Возникла локальная сеть — быстрее любой страумлианской, но достоверно безопасная. Затем добавились узлы, модифицированные по другим алгоритмам. Архив оказался дружелюбным местечком, иерархии ключей перевода вели людей за собой. Открытие прославит Страум.

Прошло шесть месяцев. Год.

Точка зрения всеведущего наблюдателя. До времени лишнего самосознания. Самосознание склонны переоценивать. Большинство автоматизированных устройств лучше работают как часть целого, а способности, сопоставимые с человеческими, могут демонстрировать без всякого самосознания.

Но локальная сеть Высокой Лаборатории перешла в трансцендентное состояние, а люди этого считай что и не заметили. Процессы, циркулировавшие по узлам сети, были настолько сложны, что превосходили всякие возможности привезенных людьми компьютеров. Эти примитивные устройства ныне превратились просто в оболочки для управления иными процессами, построенными по обнаруженным алгоритмам. Процессы эти обладали потенциалом самосознания... а временами — и потребностью в нем.

- Мы не должны.
- Говорить так?
- Вообще говорить.

Их связывала нить информации едва ли толще той, что протянута между обычными людьми. Но только таким образом удава-

лось скрыться от доминирующего Целого локальной сети, и нить наделила их раздельными сознаниями. Они перемещались от узла к узлу, выглядывали через камеры, установленные на взлетно-посадочном поле. Там стояли вооруженный фрегат и пустой контейнеровоз — и больше ничего. Шесть месяцев с момента пополнения запасов. Эту меру предосторожности архив давно засек и использовал для построения Ловушки. *Скольжение, скольжение. Мы являем собою дикую форму жизни, которую Целое, каким скоро станет Сила, не должно заметить.* В некоторых узлах они сильно ужимались, становясь почти людьми, отзвуками эха...

— Бедные люди, они все погибнут.

— И бедные мы, мы-то не умрем.

— Я думаю, они что-то подозревают. Сьяна¹ и Арне — наверняка.

Когда-то они были копиями этой пары. Когда-то. Несколько недель назад, когда археологи пробудили программы эго-уровня.

— Конечно же подозревают. А что они могут сделать? Они пробудили древнее зло. До урочного часа оно будет скормливать им ложные данные. Через каждую камеру, в каждом сообщении из дома.

На миг используемые ими узлы накрыла тень, и мыслепоток прекратился. Целое было уже могущественней любого человека, могущественней всего, что доступно человеческому воображению. И даже тень его была чем-то бóльшим, нежели человек. Божество отгоняло надоедливую мелюзгу.

Затем призраки вернулись и выглянули в прогулочный дворик подземной школы. Как самоуверенны эти люди в маленькой деревушке, которую для себя выстроили.

«Впрочем, — с надеждой подумал призрак, всегда добиравшийся до самых безумных вариантов, — нас-то ведь и быть не должно. Злу давно бы уже положено нас найти».

— Зло молодо. Ему едва три дня от роду.

— И все же мы существуем. Это кое-что доказывает. Люди отыскали в архиве нечто большее, нежели древнее зло.

— Возможно, они нашли второе такое же.

— Или противоядие.

А что еще? Целое упускало из виду некоторые данные и неправильно интерпретировало другие.

¹ Исландский вариант имени Жанна.

— Пока мы существуем, покуда существуем, давай делать, что возможно.

Призрак занял примерно дюжину рабочих станций и указал своему спутнику на старый туннель, расположенный вдали от людских построек. Пять миллиардов лет он был погребен тут, забытый, безвоздушный, мрачный. Теперь там, во тьме, стояли двое, соприкасаясь шлемами.

— Видишь? Съяна и Арне строят план. И мы тоже можем.

Другой призрак ответил не словами, но тоской. Ну да, люди строят план, укравшись во тьме. Думают, что их никто не видит. Но все ими сказанное наверняка станет достоянием Целого, даже если их слова услышит только пыль под их ногами.

— Знаю, знаю. Но мы с тобой существуем, каким бы невероятным это ни казалось. А вдруг все вместе мы сделаем невозможное возможным?

Что, если получится навредить новорожденному злу?

Желание и решение. Двое размыли свои сознания по локальной сети, обесцветившись до самого смутного цвета из доступных вниманию. В конце концов у них появился план. Заговор. Но толку от него чуть, если не передать весточку наружу. Хватит ли времени?

Бежали дни. Зло прорастало в новые машины, и каждый час ему казался длиннее предыдущего. И менее часа отделяло новорожденную сущность от полного расцвета, когда станет возможен безопасный выход на межзвездные просторы.

Скоро от местных людишек пора будет избавляться. Даже сейчас они доставляли неудобства, хотя были довольно забавными. Некоторые на полном серьезе пытались сбежать. День-деньской паковали детишек в гибернаторы и перетаскивали на свой грузовой. «Подготовка к отлету» — так описывались эти действия в планировочных программах. Уже несколько дней они занимались снаряжением фрегата, прикрывая это маской смехотворных уловок. Некоторые люди понимали, что пробужденная сущность способна погубить не только их самих, но, возможно, и весь Страумлианский Простор. История знала примеры, когда целые расы играли с огнем и сгорали в нем.

Никто не догадывался об истинном положении вещей. Никто не представлял себе, какая им выпала слава: изменить будущее тысячи миллионов звездных систем.

От часов остались минуты, а от минут — секунды. Каждая секунда теперь тянулась дольше, чем все прошедшее время. Расцвет был уже близок, так близок. Владения, утраченные пять миллиардов лет назад, будут возвращены, и теперь уже навсегда. Одна деталь оставалась невыясненной, и она не имела ничего общего с планами людей. В архиве, глубоко в алгоритмических недрах, должно было найтись еще что-то. За миллиард лет потери неизбежны. Новорожденная сущность чувствовала себя в полной силе, в полном потенциале... но еще чего-то не хватало, чего-то, познанного в миг гибели, а может, зароненного в нее врагами (если такие вообще существовали).

Долгие секунды отнимала проверка архивов. Там были пробелы, контрольные суммы не сходились. Частично в этом ущербе повинно время...

Контейнеровоз и фрегат воспарили на тихих антигравах над взлетно-посадочным полем, серые над серой равниной, над пятиллиардолетними руинами. На борту почти половина людишек. Попытка к бегству, которую они так тщательно пытались утаить. До этой минуты можно было насмехаться над их усилиями, а вот же ж: расцвет еще не наступил и людишки могут пригодиться.

Параноидальные наклонности заставили новорожденную сущность лихорадочно зарыться в людские базы данных. Просто на всякий случай. Просто проверить. Старейшая человеческая локальная сеть работала на скорости света. Впустую потрачены тысячи микросекунд, пока сущность вламывалась в нее, отбрасывала несущественное и наконец обнаруживала невероятное.

Реестр гласит: «Контейнер квантовых данных, 1 ед.» погружен на фрегат сто часов назад!

Все внимание новорожденной сущности переключилось на улетающие суда. Микробы, неожиданно оказавшиеся смертоносными. *Да как могло такое произойти?* Миллион заданий пришлось пересмотреть. О нормальном расцвете теперь не могло идти и речи, а потому и в людишках, остававшихся в лаборатории, нужда отпадала.

В космическом масштабе миг этот, при всей своей значимости, был ничтожен. Но для оставшихся на планете людей он оказался полон невыразимого ужаса. Они глядели на свои экраны и понимали, что все их опасения подтвердились, но не осознавали, насколько плохо все в действительности обстоит.

Пять секунд, десять — и перемен больше, чем за десять тысяч лет человеческой цивилизации. Миллиард, триллион конструкций, плесень, прорастающая из каждой стены, — перестройка того, что уже было сверхчеловеческим по природе. Расцвет получился таким же мощным, как истинный, но распланирован был не так тонко.

И в то же время новорожденная сущность ни на миг не упускала из виду истинную причину спешки: фрегат. Корабль включил ракетные двигатели, необдуманно удаляясь от неуклюжего грузовоза. Эти микробы откуда-то прознали, что спасают много большее, нежели себя самих. Боевой фрегат обладал лучшими навигационными компьютерами, доступными этим маленьким умам. Но до первого ультрапрыжка ему оставалось еще целых три секунды.

На поверхности у новой Силы орудий не было, вообще не было ничего, кроме коммлазера. На таком расстоянии от фрегата луч даже корпус не оплавит. Не важно. Лазер нацелился на приемный сенсор ударающего боевого корабля. Ответа не последовало. Люди понимали, чем обернется сеанс связи. Лазерный луч метался по корпусу, выискивая уязвимые места и неактивные сенсоры, скользя по шипам ультрадвигжков. Тестировал, искал. Сила не надеялась пробиться сквозь внешнюю обшивку, но этого и не требовалось. Как ни примитивна машинка, а по ее корпусу раскиданы тысячи робосенсоров: посылают отчеты о состоянии корабля и внешних угрозах, поддерживают работу прикладных программ. Большая часть их сейчас отключена, и корабль летит почти вслепую. Они вообразили, что слепота их спасет.

Еще секунда, и фрегат исчезнет в безопасном межзвездном пространстве.

Лазер задержался на сенсоре отказов, который отвечал за мониторинг критических изменений в характеристиках одного из шипов ультрадвигательной системы. Его сигналы игнорировать нельзя, иначе прыжок не удастся. Прерывание инициировано. Запустился обработчик, выглянул наружу, принял еще больше света от лазера далеко внизу... бэкдор в корабельном коде, установленный новорожденным при взломе аппаратуры, которую люди разместили на поверхности.

...И Сила оказалась на борту за считанные миллисекунды. Ее агенты — на столь примитивном оборудовании они не достигали даже человеческого уровня — засновали по корабельной автома-

тике, отключая системы и отменяя команды. Прыжка не будет. Камеры на мостике показали удивленно расширившиеся глаза людей, готовых закричать. Они поняли. В той мере, в какой человек способен осознать ужас за долю секунды.

Прыжка не будет, но ультрадвигатель уже запущен. Попытка прыжка без контроля автоматики обречена. Меньше пяти миллисекунд до отказа двигателей на уровне корабельной механики, и программно тут ничего не поделаешь. Агенты новорожденной сущности наводнили корабельные компьютеры, пытаясь отключить двигатели. Под серой массой, в которую превратилась Высокая Лаборатория, на расстоянии почти целой световой секунды, Сила могла только наблюдать. Что ж, фрегат потерян.

Так медленно и так поспешно. Доля секунды. Пламя вырвалось из сердцевины фрегата, предотвращая риск и отнимая возможность.

В двух сотнях тысяч километров от боевого корабля контейнеровоз совершил натужный ультраскачок и исчез из виду. Новорожденная сущность едва обратила на него внимание. Ладно, так уж и быть, нескольким людишкам повезло. Пускай проваливают во Вселенную.

За следующие секунды новорожденная сущность пережила... эмоции?.. нечто больше и в то же время меньше человеческого чувства. Пусть будут эмоции.

Восторг. Новорожденная сущность поняла, что выживет.

Ужас. Как близка была гибель. Еще раз.

Разочарование. Возможно, самая сильная и самая близкая человеческой эмоция. Нечто весьма важное погребло вместе с фрегатом, нечто изъятное из архива. Реконструировать воспоминания, вырванные из контекста... Потерянное могло наделить новорожденную сущность еще большей силой... или, что вероятнее, оказаться смертельным ядом. В конце концов, Сила ведь уже существовала раньше, а потом ее свели на нет. Возможно, потерянное как раз и явилось тому причиной.

Подозрение. Новорожденную сущность не должно было так легко одурачить. И кому — обычным людям! Новорожденная сущность погрузилась в самоанализ и ударилась в панику. Да, вот они — слепые пятна, аккуратно внедренные еще в самом начале. И не людьми. Эти двое возникли здесь. Сами по себе... Вот яд, причина давнего падения. Новорожденная сущность обследовала себя с предельным тщанием, понимая теперь, что именно ищет. Разру-

шая, очищая, перепроверяя, выискивая копии отравы и снова уничтожая ее.

Облегчение. Так близок был провал, но теперь...

Текли минуты и часы. Время приходилось невероятно растягивать, сооружая физические объекты: коммуникационные системы, транспортные средства. Настроение у новой Силы переменилось, стало спокойнее. Человек уподобил бы это чувство предвкушению триумфа. Пожалуй, точнее сопоставить его с обычным голодом. А что еще нужно, раз врагов не осталось?

Новорожденная сущность глядела на звезды и строила планы.
На этот раз все будет иначе.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА 1

В холодном сне сновидений не было. Три дня назад они готовились к отлету, а сейчас уже очутились здесь. Маленький Джефри ныл, что пропустил все самое интересное, но Йоханна Ольсндот¹ радовалась, что братишка спал, — от старших детей с другого ко- рабля она уже кое-что разузнала.

Теперь Йоханна бродила меж спящих. Губернаторы отводили тепло, поэтому во мраке было адски жарко. На стенах струпьями проступила серая плесень. Капсулы холодного сна стояли почти вплотную, с узким проходом через каждые десять. В некоторые щели мог бы пролезть только Джефри. Здесь спали триста девять детей — все, если не считать ее самой и ее брата Джефри.

Это были капсулы больничного типа, не рассчитанные на эксплуатацию в тяжелых условиях. При должном техобслуживании и вентиляции они прослужили бы без отказа лет сто, но... Йоханна вытерла пот с лица и посмотрела на показания датчика ближайшей капсулы. Как и большинство остальных, эта оказалась в плохом состоянии. Спящий внутри мальчик мог рассчитывать на двадцать дней относительной безопасности, но двадцать первый его наверняка убьет. В системе охлаждения капсулы было чисто, но Йоханна продула ее снова — скорее надеясь ублажить удачу, чем уповая на эффективность этой меры.

Маму с папой винить не имело смысла, Йоханна подозревала, что они уже сами себя казнят. Удирать пришлось в последний мо-

¹ Элемент -сндот (-sndot) в страумлианских фамилиях образован конъюнкцией традиционных скандинавских -son/sen (муж.) и -dóttir/dotter (жен.). Для современных скандинавских языков одновременное их употребление не характерно (однако -son в шведском уже часто входит в женские фамилии и от корня патронима не отделяется).

мент, похватав то, что было под рукой. Эксперимент вышел из-под контроля. Сотрудники Высокой Лаборатории сделали все, что было в их силах, пытаясь спасти детей от куда более жуткой угрозы. И все могло бы сработать, но...

Джефри просунул голову в люк, чтоб ее дозваться:

— Йоханна! Папа говорит, времени уже нет. Бросай все, чем ты там занята, и двигай сюда.

— Ладно!

Ей и так не полагалось сюда заходить, ведь она ничем не могла помочь своим друзьям. Тами, Гиске, Магда и... ох, только бы с ними все было в порядке. Йоханна оттолкнулась и чуть не врезалась в Джефри, который ждал с другой стороны люка. Он схватил ее за руку и притянул к себе. Последние два дня мальчишка старался не плакать, но выработанная за этот год независимость куда-то пропала. Его глаза расширились.

— Мы садимся на Северном полюсе, там только острова и лед...

В каюте уже пристегивались родители. Арне Ольсндот, торговец, глянул на дочку и улыбнулся.

— Привет. Садитесь, ребятки. Меньше часа, и мы будем на поверхности.

Йоханна тоже улыбнулась, невольно заразившись его энтузиазмом. Плевать на разбросанное повсюду оборудование, на вонь от двадцатидневного пребывания в замкнутом пространстве. Папа выглядел лихим и смелым, как на картинках про искателей приключений. Свет от дисплеев отразился на сочленениях его скафандра. Он только что побывал снаружи.

Джефри оттолкнулся и поплыл через пространство каюты, потащив следом Йоханну. Закрепился в подвеске между сестрой и матерью. Сьяна Ольсндот проверила свой крепеж, потом Йоханны.

— Будет интересно, Джефри, ты кое-чему научишься.

— Ага, я узнаю все-все про лед.

Он сжал мамину руку.

Сьяна улыбнулась.

— Не сегодня. Я про посадку. Это тебе не на антигравках или по баллистике садиться.

Антиграв сдох. Папа только что отсоединил шлюпку от грузовоза. С полной загрузкой на одном движении ни за что не сесть.

Арне повозился с регуляторами, которые синхронизировал со своей консолью. Страховочный крепеж обхватил тела пассажиров. Скрипнул груз, застонали и качнулись опорные рамы гибернато-

ров. Что-то бухнуло и заскрежетало, «падая» в объятия страховки. Йоханна догадалась, что ускорение сейчас составляет примерно 1g.

Взгляд Джеффри переместился с дисплея, отображавшего вид снаружи, на лицо мамы, потом обратно.

— На что это похоже? — В дрогнувшем голосе мальчишки прозвучал интерес. Йоханна едва сдержала усмешку; Джеффри понимал, что его стараются отвлечь, и принял условия игры.

— Спуск в сугубо ракетном режиме, двигатели работают на протяжении всего пути. Видишь вон то окошко посередине? Камера смотрит прямо вниз. Должно быть видно, что мы замедляемся.

Должно быть видно. Йоханна сообразила, что они на высоте не более двух сотен километров. Арне Ольсндот использовал ракету, сцепленную с хвостовой оконечностью грузовой шлюпки, чтобы полностью погасить орбитальную скорость. Других вариантов не осталось. Грузовоз они бросили, а с ним — антиграв и ультрадвигатель. Их далеко отнесло, но теперь автоматика начинала отказывать. В сотнях километров внизу они тупо кружили по орбите.

Осталась только грузовая шлюпка. Ни крыльев, ни антиграва, ни аэролета. Упаковка яиц весом в сто тонн, балансирующая на факеле единственного двигателя.

Мама не стала описывать это Джеффри именно так, но сказала правду. Почему-то ее рассказ заставил Джеффри забыть об опасности. Ну что ж, перед тем как отправиться в Высокую Лабораторию, Сьяна Ольсндот была известным археологом Страумлианского Простора.

Папа вырубил двигатель, и снова появилась невесомость. Йоханну одолевало головокружение; обычно ее никогда не тошнило в космосе, но на сей раз все было иначе. Картинка приближающихся земли и моря в обращенном вниз окне медленно увеличивалась в размерах. Немного облаков, береговая линия — как бесконечная рекурсия островов, проливов и заводей. Темно-зеленые пятна по берегам и в долинах сменялись черными и серыми при подъеме в горы. Там был снег (и, надо полагать, упомянутый Джеффри лед), разбросанный клочковатыми пятнами и дугами. Так красиво... и они падают прямо туда!

Йоханна услышала раскатившееся по грузовой шлюпке металлическое звяканье: вспомогательные двигатели разворачивали суденышко, выравнивая курс к поверхности для главного движка. Теперь земля виднелась в окошке справа. Снова полыхнул факел — ускорение около 1g. Кромку дисплея обьяло выгоревшее гало.

— Ничего себе! — воскликнул Джефри. — Как в лифте... ниже-ниже-ниже... — Они снизились еще на сотню километров, двигаясь медленно, чтобы их не разорвало сопротивлением атмосферы.

Сьяна Ольсндот была права. Они изобрели новый метод спуска с орбиты, вот только в обычных условиях пользоваться им категорически не рекомендуется.

И уж наверняка этот метод не был предусмотрен в первоначальном плане побега. Им предстояло встретиться с ускользнувшим из Высокой Лаборатории фрегатом и всеми взрослыми, которым повезло вылететь. Подразумевалась стыковка в космосе с безопасным переходом на корабль. Но фрегат погиб, а они предоставлены своей судьбе. Взгляд девочки неохотно обежал корпус за спинами родителей. Обшивка снова изменила цвет. Было похоже, что там выросла серая плесень, появилась прямо из чистенькой керамической толщи. Родители даже сейчас избегали смотреть на эту штуку, только отгоняли Джефри подальше. Но Йоханна однажды подслушала, как они говорили между собой, думая, что дети в дальнем конце шлюпки. По голосу папы казалось, что он готов разрыдаться от ярости.

— И все напрасно, — сказал он тихо. — Мы сотворили монстра, мы сбежали, а теперь — потерялись у Дна.

А потом голос мамы, еще тише:

— Арне, я тебе в тысячный раз говорю: все *не* напрасно. Мы спасли детей.

Она махнула рукой в сторону нароста неправильной формы, растянувшегося на переборке.

— А вспомни эти сны... эти подсказки... которые мы получали. Думаю, на большее не стоило и надеяться. Каким-то образом нам удалось унести с собой противоядие от порожденного нами же зла.

Потом Джефри с воплем пронесся по шлюпке, появившись, как это за ним водилось, в самый неподходящий миг. Родители умолкли. Йоханна так и не осмелилась завести с ними разговор на эту тему. В Высокой Лаборатории творилось много странного, а в конце так и совсем жуткого. Даже люди становились не похожи сами на себя.

Тянулись минуты. Они вошли в плотные слои атмосферы планеты. Корпус издавал жужжание, преодолевая сопротивление воздушного потока — или это вибрация двигателя? Впрочем, пока все шло достаточно спокойно, так что Джефри заскучал. Большую часть панорамы внизу скрывал из виду раскаленный факел. Остальное

было детальнее и резче любых снимков с орбиты. Йоханна размышляла, насколько часто высадка на новую планету сопровождается подобной неизвестностью. У них не было ни телескопических камер, ни роботов-разведчиков.

Однако планета физически оказалась почти идеальна для чело-века — наконец, после всех мытарств, им повезло.

По сравнению с безвоздушными скальными глыбами планеты, где размещалась первоначальная колония, этот мир казался раем.

С другой стороны, здесь имелаась разумная жизнь: с орбиты они заметили дороги и города. Правда, признаков технологически развитой цивилизации не наблюдалось. Ни летательных аппаратов, ни радио, ни мощных источников энергии.

Шлюпка снижалась над малонаселенным уголком континента. Если посчастливится, никто не заметит ее посадки среди зеленых долин и черно-белых вершин, и Арне Ольсндот сможет направить факел ракетного двигателя прямо вниз, не опасаясь повредить что-то, кроме деревьев и травы.

В поле видеоискателя камеры пронесли скалистые острова. Джефри вскрикнул, указывая туда. Картинка сменилась, но Йоханна тоже это заметила: на одном из островов был виден неправильный многоугольник из вертикальных плоскостей и теней. Ей вспомнились замки «века принцесс» Ньюоры¹.

Теперь стали различимы отдельные деревья, отбрасывавшие длинные тени в косых лучах солнца. Рев двигателя превосходил все ранее слышанное девочкой; они углубились в атмосферу, и звук не собирался стихать.

— ...сложнее! — крикнул отец. — У меня нет программ, чтобы это исправить... Куда теперь, любимая?

Мама вертела головой, пытаясь оценить обстановку по показаниям двух дисплеев. Насколько Йоханна понимала, переместить камеры или вывести на корпус новые было нельзя.

— ...на тот холм, выше линии деревьев, но... мне кажется, там стая зверей бежит от факела... с западной стороны.

— Да! — крикнул Джефри. — Волки!

Йоханна уловила только движущиеся пятна. Шлюпка продолжала снижаться и была уже, наверное, в тысяче метров над верхушками холмов. Нескончаемый вой движка причинял боль, говорить больше не было возможности. Они медленно плыли над ланд-

¹ Nyjora — от норвежского nyjorda, «Новая Земля».

шафтом, отчасти желая осмотреться, отчасти — уходя от вздымавшегося над шлюпкой плюмажа раскаленного воздуха.

Холмы стали более пологими, а «трава» походила на мшистый покров. И все же Арне Ольсндот колебался. Основной ракетный двигатель предназначался для работы на солидных скоростях сразу после межзвездных скачков, и благодаря ему шлюпка могла парить вот так довольно долго. Но если уж решил садиться, лучше сделать это правильно. Йоханна слышала, как родители тревожно переговариваются о выборе места, когда Джеффри убегал к гибернаторам. Если почва окажется слишком влажной, вытесненная перегретая вода сработает как паровая пушка и ударит прямо в корпус. Садиться на деревья тоже сомнительное удовольствие, но, возможно, это амортизирует посадку и предохранит от парового удара. Они решились на прямой контакт. По крайней мере, так будет видно, куда садится шлюпка.

Триста метров. Папа нацелил факел в почву. Поверхность вспыхнула, а секундой позже суденышко объяла колонна пара. Камера, смотревшая вниз, вырубилась. Возвратного толчка не последовало, спустя мгновение болтанка начала утихать: факел прожег слой влаги или вечной мерзлоты, расположенный под местом посадки. В каюте стало жарко.

Ольсндот осторожно опускал шлюпку на землю, ориентируясь на звук и показания боковых камер. Потом заглушил ракетный двигатель. Жуткие полсекунды падения, затем грохот: посадочные пилоны вонзились в почву. По корпусу прокатился стон, шлюпка качнулась, выровнялась, остановилась.

И воцарилась тишина, если не считать шипения остывающего корпуса. Папа сверился с собранным на скорую руку манометром и победно улыбнулся маме.

— Пробоин нет. Готов биться об заклад, эта крошка еще полетает!

ГЛАВА 2

Час в ту или другую сторону — и жизнь Странника Вивкрэкрама могла сложиться совсем иначе.

Трое путников направлялись на запад, спускаясь с Ледовых Клыков к замку Шкуродера на Тайном Острове. Бывали в жизни

Странника периоды, когда он не переносил компании, но за последнее десятилетие он стал гораздо уживчивей. Теперь ему нравилось путешествовать с другими. В последний раз, на пути через Великие Пески, его сопровождали пять стай. Отчасти это объяснялось соображениями безопасности: смерти отдельных элементов оказывались почти неизбежны, ведь расстояние между оазисами порою превышало тысячу миль, да и сами оазисы, так сказать, бренны. Но имелась на то и другая причина: он многому научился, общаясь с остальными.

Нынешними попутчиками он был не очень доволен. Ни один из них не годился в истинные странники — оба хранили тайны. Грамотей Джакерамафан — забавный чудак, бездонный кладезь несвязанной информации и, вполне вероятно, шпион. Ничего страшного, покуда посторонние полагают, что со Странником они порознь. А вот третья в их компании по-настоящему его тревожила. Тиратект была новоиспеченной стаей, еще не полностью интегрировалась и не выбрала себе имени. Тиратект заявляла, что она школьная учительница, но где-то в ее (его? предпочтительный пол пока не обозначился) глубине таился убийца. Существо это несомненно принадлежало к фанатичным сторонникам Шкуродера. Большую часть времени оно избегало контакта и держалось особняком. Почти наверняка оно уцелело в резне, воспоследовавшей за неудачной попыткой Шкуродера подчинить себе восточные земли, и теперь укрывалось от погони.

Странник вел двоих попутчиков к Восточным Вратам по республиканской стороне Ледовых Клыков. Оба изъявили желание посетить Замок на Тайном Острове. И, блин, это же всего шестидесятимильный крюк от прямой дороги к владениям Древорезчика: так или иначе пришлось бы пересечь горы. Он и сам уже много лет подумывал посетить домен Шкуродера. Возможно, эти двое в какой-то мере склонили его к такому решению. Слишком многие в мире ненавидели сторонников Шкуродера, а Странник Вивврэрам разумел зло двойко: когда рушатся привычные законы, на поле брани может сыскаться и нечто доброе.

В ту послеполуденную пору они наконец увидели прибрежные острова. Странник наведывался в эти места всего пятьдесят лет назад, но и сейчас красота их застала его врасплох. Северо-западное побережье с уверенностью можно было считать краем самого мягкого климата во всей арктической зоне. В дни высокого лета и нескончаемого дня нижние участки окаймленных глетчерами до-

лин наливались зеленью. Бог-Резчик некогда склонился над этой землей, и резцы его были изо льда. Теперь же от снега и льда оставались только туманные дуги на восточном горизонте да редкие пятна, раскиданные по ближним холмам. Пятна эти редели и таили с наступлением лета, порождая небольшие ручейки, а те сливались воедино в каскады, струясь по крутым склонам долин. Справа от Странника оказался ровный участок, топкий от стоячей воды. Странник потрусил через него, лапы холодило так приятно, что он даже не обратил внимания на роящуюся вокруг мошкарку.

Тиратект рассыпалась по долине, в целом следуя параллельно его курсу, но держась ниже линии вереска. Пока за поворотом долины не появились крестьянские наделы и острова, она была довольно болтлива. Но не теперь, когда стал виден Замок Шкурודה, таивший ее темное назначение.

Грамотей Джакерамафан бездумно рассредоточился по обеим сторонам долины. Сперва разбил на двойки и тройки, чьи шутки развеселили даже мрачную Тиратект, потом забрался на высоту и вернулся доложить, что там за гребнем. Он первым увидел побережье и от этого немного посерьезнел. Клоунские привычки его были опасны и сами по себе, не только в присутствии жестоколюбцев.

Викврэкрам скомандовал притормозить и собрался в кучу, поправить заплечные ремни. Остаток дня обещал быть нелегким. Требовалось решить, действительно ли необходимо посещать Замок вместе с новыми друзьями. Есть пределы мужеству любителя приключений, даже странника.

— Ты слышишь этот грохот? — позвала Тиратект со всей долины.

Странник вслушался. Действительно, раздался рокот — могучий, но почти целиком ниже предела слышимости. На миг испуг превозмог любопытство. Веком раньше его застигло чудовищное землетрясение, нынешний звук был похож на тот, но почва под ногами оставалась неподвижна. Значит ли это, что оползней и сейсей не последует? Странник ссыпался вниз, оглядываясь во всех направлениях.

— В небе! — показал Джакерамафан.

Почти точно над их головами висело яркое пятно, небольшое копье света. У Викврэкрама оно не вызвало никаких воспоминаний, даже легенды не пришли на ум. Он рассыпался и уставил все глаза на медленно движущийся свет. О хор Господень, это же в милях наверху, а он все равно его слышит! Он отвел взгляды от света. В глазах мелькали болезненные остаточные вспышки.

— Оно становится ярче и громче, — сказал Джакерамафан. — Думаю, оно опускается вон на те холмы, ближе к берегу.

Странник собрался вместе и припустил на запад, выкрикивая указания остальным. Он собирался подобраться как можно ближе и посмотреть. Глядеть вверх снова он не осмеливался. Слишком ярко. Эта штука выбелила тени даже при ярком дневном свете!

Он пробежал еще полмили. Звезда продолжала парить в воздухе. Он не помнил, чтобы звезды падали так медленно, хотя за падением самых крупных следовали ужасные взрывы. Вообще-то... те, кто оказывался поблизости, рассказов потом не передавали. Эта перспектива остудила необузданное любопытство Странника. Он осмотрелся по всем сторонам. Тиратект нигде не было видно, Джакерамафан жался к валунам.

Свет стал так ярко, что там, где не прикрывала одежда, Вивкрэрам ощутил ожоги. Идущий с небес шум оглушал до боли. Странник взмыл над гребнем долины, перекатился, ссыпался, сполз по крутым каменным стенам. Теперь он оказался в тени, и сверху светило только солнце. Дальняя сторона долины купалась в сиянии, и резкие тени перемещались, повторяя движения чего-то незримого позади. Шум по-прежнему напоминал басистый рык, но стал ниже и производил какое-то оупляющее воздействие на разум. Странник помчался к линии деревьев и остановился, только углубясь на сотню ярдов в лес. Это должно было помочь, но рокот только нарастал.

По счастью, Странник вырубился на пару мгновений, а когда пришел в себя, рык звезды смолк. Остаточный звон продолжал буравить средние уши. Пошатываясь, Вивкрэрам изумленно ози­рался. Казалось, что идет дождь — только капли его ярко сверкают. Там и сям в лесу вспыхивали небольшие пожары. Странник скользил под густыми кронами деревьев, пока горящие камни не перестали падать. Огонь далеко не распространялся: лето выдалось сравнительно дождливое.

Странник залег и лежал тихо, ожидая, что с неба посыплются новые горящие камни или раздастся рев новой звезды. Ничего. Ветер в кронах утихал. Скоро стали различимы гомон птиц, кузнециков и древосверликов. Переместившись к опушке, Странник выглянул из леса. Если не считать пятен выжженного вереска, все выглядело как обычно, однако поле зрения резко ограничилось: он видел высокие склоны долины да вершины некоторых холмов. Ха! А вот и Грамотей Джакерамафан, тремя сотнями ярдов выше.

Большей частью он забился в норы и расщелины, но пару элементов послал осмотреться туда, где упала звезда. Странник напрягся. Грамотей обычно корчил из себя буффона, но временами это казалось просто маской: если он и дурень, то из тех, что отмечены печатью гениальности. Вики не единожды наблюдал за ним на расстоянии, видел, как Грамотей парами работает с какими-то странными приспособлениями. Как и сейчас: другой взял что-то длинное и поднес к глазам.

Викврэкрам выбрался из лесу, держась кучно и стараясь издавать поменьше шума. Осторожно взобрался по скалам, перебираясь от одного поросшего вереском холмика к другому, пока не оказался совсем рядом с гребнем долины и ярдах в пятидесяти от Джакерамафана. Он слышал мысли попутчика. Если подойти еще ближе, то и Грамотей услышит его, даже так тесно сбитого и молчаливого.

— Тсс! — сказал Викврэкрам.

Гомон и бормотание мгновенно оборвались вспышкой удивления. Джакерамафан быстро спрятал таинственный зрительный прибор в заплечную котомку и сжался вместе, думая очень тихо. Мгновение они смотрели друг на друга, потом Грамотей странными жестами похлопал по плечевым мембранам. Слушай, дескать.

— Так говорить умеешь?

Он говорил очень высоким, писклявым голосом: уши, чувствительные к низким и средним звукам, к такому обычно глухи, и не всякий способен поддерживать подобный разговор. Высокая речь вносит путаницу, зато узконаправленна и быстро затухает с расстоянием. Никто их не подслушает. Странник кивнул:

— С высокой речью у меня никаких проблем.

Фокус в том, чтобы говорить на достаточно чистых тонах и не путаться.

— Взгляни за гребень холма, дружище Странник. Нечто новое явилось под солнцем.

Викврэкрам переместился еще ярдов на тридцать, осматриваясь во всех направлениях. Теперь он видел серебристо сияющие в предвечернем солнечном свете ручейки, но северная сторона долины под ним терялась в тени. Он выслал вперед одного элемента — чтобы прокрался в вереске и посмотрел вниз, туда, где в долине звезда коснулась земли.

«О хор Господень!» — подумал он (впрочем, тихо). Добавил еще одного элемента для параллаксного обзора. Штуковина напоми-

нала большой саманный дом, построенный почему-то на сваях. Но это и была та самая упавшая звезда: почва под ней еще светилась тускло-красным. Отовсюду из влажного вереска вздымались клубы пара. Разъятая земля оказалась отброшена в стороны длинными полосами, исходявшими из-под звезды.

Он сделал знак Джакерамафану:

— А Тиратект где?

Грамотей пожал плечами:

— В паре миль за нами, думаю. Я за ней присматриваю... Есть там кто-нибудь еще? Из Шкуродера Замка, бойцы?

— Нет! — Странник глянул на запад от места падения. Ан нет, вон они. Почти в миле отсюда, в камуфляжных куртках, ползут на брюхах, припав к поросшей вереском земле. Он насчитал по меньшей мере троих. И то были крупные ребята, шестерки. — Как они добрались сюда так быстро? — Он посмотрел на солнце. — Не могло пройти больше получаса с тех пор, как все это закрутилось.

— Им повезло. — Джакерамафан вернулся к гребню и огляделся. — Готов побиться об заклад, они уже рыскали тут, когда упала звезда. Это земля Шкуродера, они обязаны высылать патрульных. — Он так плотно припал к земле, что снизу остались видны лишь две пары ушей. — И знаешь что? Они готовят засаду.

— Не слишком-то ты счастлив их увидеть. Они же твои дружки или нет? Ты собирався с ними повидаться.

Грамотей саркастически нахохлился:

— Ну да, ну да. Только не зазнавайся. Думаю, ты с самого начала просек, что я не весь такой из себя шкуродеристый.

— Просек, угу.

— Игра окончена. Что бы ни грянулось оземь сегодня, оно куда ценней для... гм, моих друзей, чем то, что мог бы вывести я на Тайном Острове.

— А как насчет Тиратект?

— Хух-хух. Наша достопочтенная попутчица, опасаясь, дуру не валяет. Бьюсь об заклад, она из высокопоставленных сторонников Шкуродера, а не сержантов низшего ранга, как может показаться на первый взгляд. Думаю, таких сейчас тут в горах много крутится. Драпают из Длинноозерной Республики, спасибо, что живые. Ты огузки-то свои спрячь, приятель. Если она нас заметит, бойцы наверняка нас сцапают.

Странник сместился глубже в норы и расщелины, испешрявшие вереск. Вид на долину позади открывался прекрасный. Если

Тиратеку еще не подобралась сюда, он заметит ее гораздо раньше, чем она — его.

— Странник?

— Да?

— Ты пилигрим. Ты бродил по миру... от начала времен, как мы должны бы поверить. Как глубоко уходят на самом деле твои воспоминания?

Учитывая сложившиеся обстоятельства, Виквэкрам ответил честно:

— Как ты наверняка и ожидал, на несколько столетий. То, что раньше, относится к области легенд, воспоминаний обрывочных и перепутанных.

— Ну, я так много не странствовал, и я, в общем-то, новенький. Но я люблю читать. Я много читаю. Ничего подобного прежде не происходило. Там, в долине, нечто искусственное. Оно пришло с высот больших, чем я могу измерить. Ты читал Арамстрикезу или астролога Белелеле? Ты понимаешь, чем эта штука может оказаться?

Виквэкрам не узнал имен. Но он и вправду был пилигримом. В мире есть земли такие далекие, что там никто не говорит на известных ему языках. В Южных морях он встречал стаи, которые думали, что за пределами островов кончается мир, и бежали от его лодок, когда он высаживался на берег. И даже больше: часть его самого тогда обитала на острове и смотрела, как незнакомец выходит на сушу.

Он высунул морду на открытое пространство и глянул на упавшую звезду, гостью из краев более далеких, чем все, что посетил он сам. И задумался, где может завершиться это странствие.

ГЛАВА 3

Почва остывала пять часов, и только потом папа смог выдвинуть трап. Они с Йоханной осторожно спустились по лесенке и выбрались на относительно неповрежденный участок торфа, перепрыгнув через дымящуюся паром землю. Пройдет еще много времени, прежде чем она остынет совсем. Выхлоп двигателя очень чистый в том смысле, что почти не взаимодействует с обычным веществом... короче, это все означало, что скала под их ногами прогрелась на тысячи метров в глубину.

Мама сидела на краю люка, оглядывая местность и держа в руке старый папин пистолет.

— Есть что-нибудь? — крикнул отец.

— Нет. Джефри через окна тоже ничего не заметил.

Папа обошел грузовую шлюпку кругом, обследуя истерзанные посадочные пилоны. Каждые десять метров он останавливался и включал звукопроектор. Это, кстати, была идея Йоханны. Кроме папиного пистолета, никакого оружия у них не было. Проекторы — случайный груз, из лазарета. Немного перепрограммировать — и они зальют всю округу диким воем на широком участке звукового спектра. Возможно, этого хватит, чтоб отпугнуть местных зверей. Йоханна шла за папой по пятам, озираясь кругом, и постепенно испуг ее сменился восторгом. Как тут классно, как красиво! Они приземлились посреди широкой долины высоко в холмах. К западу холмы понижались, там видны были фьорды и острова. К северу земля внезапно обрывалась на краю широкой долины, а по ту сторону провала Йоханна заметила водопады. Почва под ногами казалась какой-то губчатой. Посадочную площадку усеивали тысячи пригорков, похожих на застывшие при снимке волны. На склонах самых высоких холмов сияли снежные пятна. Йоханна прищурилась, глянула на север. На *север*?

— Пап, а сколько тут времени?

Ольсндот рассмеялся, продолжая возиться под шлюпкой.

— Местная полночь.

Йоханна бывала в средних широтах Страума. Школьные поездки же проходили в основном в космосе, где странное расположение солнца встречалось часто. И все же она никогда не представляла себе такого на поверхности планеты... то есть не видела, как солнце стоит прямо над макушкой мира.

Первым делом нужно было вынести наружу половину гибернаторов и перераспределить оставшиеся на борту. Мама вычислила, что при такой загрузке проблемы с температурным контролем исчезнут.

— Сейчас отдельные энергоснабжение и вентиляция окажутся нашими преимуществами. С ребятами все будет в порядке. Йоханна, проверяй, как Джефри управляется с теми, снаружи, хорошо?

Вторая по важности задача: определить местоположение системы Маршрутизатора и наладить ультрасветовую связь. Этого этапа Йоханна немного опасалась. Что они узнают? Уже понятно, что

в Высокой Лаборатории все пошло не так и случилась предсказанная мамой катастрофа.

Но какую часть Страумлианского Простора уже сожрала погирель? Все в Высокой Лаборатории считали, что работают лишь во благо, а теперь... «Не надо об этом думать». Вдруг работники Маршрутизатора сумеют помочь? Где-то же найдутся люди, которым пригодится спасенная из Лаборатории информация.

Их вытащат отсюда, а остальных детей оживят. Йоханну пронзало чувство вины. Ну да, маме и папе нужны были рабочие руки под конец полета, а Йоханна в школе одна из самых старших. Но ей казалось неправильным, что они с Джеффри единственные среди детей видели все своими глазами. Все время спуска она чувствовала мамин страх. «Уж наверняка они хотели быть вместе с нами, пускай даже в последний раз». Посадка оказалась действительно опасной, как бы папа ни хорохорился. Йоханна видела места, где по корпусу ударила выплеснутая почвой струя пара, и понимала, что с таким же успехом струя могла угодить мимо факела и поразить выхлопную камеру. Тогда все они были бы уже мертвы.

С восточной стороны шлюпки выгрузили уже почти половину губернаторов. Мама с папой расставляли их свободно, так что с охлаждением проблем не должно возникнуть. Джеффри оставался внутри, следя за оставшимися капсулами. Когда не вредничает, то отличный пацан. Йоханна обернулась к солнечному свету, ощутила, как веет над холмом холодный ветерок. Услышала что-то вроде птичьего гама.

Когда началось нападение, она отвлеклась на один из звукопроекторов. Как раз подключила к панели управления свой данник и отдавала новые инструкции. Стало понятно, как мало у них осталось: даже ее старый данник теперь ценен. Папе требовалось устройство, способное принимать в самом широком диапазоне. По большей части сплошной шум, но тут и там — резкие выбросы сигнала. Розовый Слоник с этим наверняка справится.

— Йоханна!

Мамин крик слился со звоном бьющейся керамики. Колокол проектора раскололся на части, упав рядом. Йоханна подняла голову. Что-то воткнулось ей в грудь у плеча, опрокинув наземь. Она тупо уставилась на торчащее из груди древко. Стрела!

Западный край посадочной площадки кишел... существами. Вроде волков или собак, но с длинными шеями. Они стремительно мчались к ним, перескакивая с пригорка на пригорок. Шкура

такая же зеленая, как трава на склоне холма, лишь на ляжках про- биваются черные и белые пятна. Нет, зеленое — это одежда, ка- кие-то куртки. Йоханну сковал шок. Железная стрела давила ей на грудь с силой, которую тело еще не воспринимало как боль. Когда ее опрокинуло на спину во вздыбленный торф, на миг девочке от- крылась общая картина атаки. Она увидела, как летят новые стре- лы — темные черточки порхают в небесах.

Она увидела стрелков. Еще собаки! Они перемещались стаями. С луком управлялись по двое — один держит, один стреляет. Третий и четвертый держали колчаны стрел и, казалось, просто наблюдали.

Стрелки откатились обратно, оставаясь под прикрытием. С флангов вырвались новые стаи, пролетели над пригорками. У многих в пастях были зажаты топорики. Из лап торчали метал- лические когти. Она услышала сухие шелчки папиного пистолета. Волну атакующих смяло: некоторые упали замертво. Остальные продолжали движение вперед. Теперь они рычали. Звук был стран- ный, безумный, не похожий на собачий лай. Ей почудились звуки наподобие бластомузыки из большого динамика. Челюсти, когти, ножи, шум...

Она перекатилась набок, пытаясь разглядеть, что творится за шлюпкой. Боль ворвалась в реальность. Йоханна вскрикнула, но в безумном гаме не услышала своего вопля. Орава зверей окружи- ла ее и устремилась дальше, к маме и папе. Родители укрылись за стыковочным пилоном. Пистолет в руке Арне Ольсндота непре- рывно сверкал. Скафандр пока защищал папу от стрел.

Тела чужаков громоздились кучами: заряженный интеллек- тронными пульками пистолет был смертоносным оружием. Она видела, как папа, отдав маме пистолет, ныряет под корпус, к ней. Йоханна выбросила перед собой здоровую руку и крикнула, умо- ляя его вернуться.

Тридцать метров. Двадцать пять. Мама прикрывала их ковро- вым огнем, отгоняла волков. Ольсндот бежал, заслоняя руками голову. На него падал дождь стрел. Двадцать метров.

Высоко над Йоханной в воздух взвился волк. Она успела заме- тить его короткую шерсть и шрам на бедре. Волк бросился прямо на папу. Ольсндот вильнул в сторону, чтобы жена успела выстрелить, но волк оказался проворнее. Существо кинулось за отцом, сокра- щая расстояние. Блеснули когти, и волк снова прыгнул. Йоханна увидела, как из папиной шеи ударил красный фонтан, а потом оба рухнули на землю.

На миг Сьяна Ольсндот прекратила стрелять, и этого оказалось довольно. Стая разделилась — более многочисленная группа целеустремленно кинулась к шлюпке. У них на спинах висели какие-то бачки. У вожака в пасти виднелся шланг. Полилась темная жидкость и тут же полыхнуло пламя. Волчья стая протащила огнемёт по земле в сторону пилона, где стояла Сьяна Ольсндот, мимо выстроенных рядами гибернаторов с детьми. Йоханна увидела, как что-то корчится, извивается в огне и удушливом дыму. Как плавится и течет пластик капсул холодного сна.

Йоханна уткнулась лицом в землю. Потом подтянулась на здоровой руке и попыталась переползти поближе к объётой пламенем шлюпке. Затем снизошла милосердная тьма, и больше ей ничего не запомнилось.

ГЛАВА 4

Странник с Грамотеем весь день следили за приготовлениями к атаке. Пехота выстроилась на склоне к западу от места падения, за нею — стрелки и огнемётчики в построении «коготь». Отдают ли обитатели Замка Шкуродера себе отчет в том, с кем намерены воевать? Двое жарко спорили. Джакерамафан полагал, что отдают: их обуяла гордыня и стремление попросту ухватить добычу.

— Они добираются до глоток прежде, чем враг успеет сообразить, что началась битва. Раньше это срабатывало.

Странник ответил не сразу. Грамотей, может, и прав. Он пятьдесят лет не был в этой части мира. Тогда о культе Шкуродера знали мало (и считали его не больно-то интересным в сравнении с себе подобными).

Иногда путешественники сталкиваются с предательством, но куда реже, чем склонны воображать домоседы. Чаще их встречают дружелюбно, с интересом слушают рассказы о том, что происходит в мире, — особенно если гость никому не угрожает. Когда же предательство случается, ему обычно предшествует эдакая лапомерка: местные пытаются оценить, насколько могучи чужаки и какую выгоду можно извлечь из их гибели. Прямые атаки, без переговоров, довольно редки. Обычно это означает, что противник столь же хитроумен, сколь и безумен.

— Не знаю. Они расположились в засаде. Но возможно, что шкуродерники погодят с атакой и сперва возьмутся за переговоры.

Текли часы. Солнце сместилось к северу. От дальней оконечности упавшей звезды исходил шум. Скверно, что отсюда ничего не видно.

Засевшие в засаде бойцы не шевелились. Бежали минуты... и вот показался первый гость с небес или по крайней мере его часть. У чужака было по четыре ноги на элемента, но перемещался он только на задних. Ну и клоун! Впрочем... ага, передними лапами он удерживает предметы. Ни разу не использовал пасть, да и вряд ли плоским ртом можно что-нибудь как следует ухватить. Передние лапы чужака удивительно гибкие. Синглетный элемент легко может пользоваться инструментами.

Они слышали разнообразные звуки общения, даже когда видны были только три элемента. Через некоторое время послышались куда более высокие звуки связной мысли. «Господи, до чего шумная эта тварь». На таком расстоянии звуки путались и искажались. Тем не менее сходства ни с каким прежде слышанным разумом не было. Даже с обманными звуками некоторых травоядных.

— И что? — прошипел Джакерамафан.

— Я обошел весь мир — это существо к нему не принадлежит.

— Ага. Ты знаешь, оно мне богомоллов напоминает. Ну, вот такой высоты... — Он раскрыл пасть дюйма на два. — Полезны для борьбы с садовыми вредителями. Отличные маленькие убийцы.

Гм. Страннику эта аналогия не пришла на ум. Богомолы милы и безвредны, по крайней мере так принято считать. Но он знал, что их самки поедают собственных партнеров. Только представить себе подобных существ гигантского размера и со стайным мышлением... Может, и хорошо, что с ними сейчас нельзя поздороваться.

Прошло полчаса. Чужак выносил наружу свой груз, а стрелки-шкуродерники подползали ближе. Пехота выстроилась в формации для атаки.

Между шкуродерниками и чужаком замельтешили стрелы. Один элемент чужака сразу упал, и мысли его затихли. Остальные укрылись за летающим домом. Бойцы ринулись вперед, держась так, чтобы не мешать мыслям; вероятно, они рассчитывали захватить чужака живым.

Но тут линия атакующих смялась, не дойдя до чужака многих ярдов. Не было ни стрел, ни вспышек. Солдаты просто падали замертво. На миг Странник подумал, что шкуродерники наконец откусили больше, чем сумеют проглотить, но тут за первой волной

покатилась вторая. Элементы продолжали падать, но их уже обуяла ярость убийства, оставляя в плену чисто животных инстинктов. Наступление медленно продвигалось, арьергардные бойцы лезли по трупам товарищей. Еще один элемент чужака упал. Как странно: он еще слышал шепотки мыслей. По темпу и тону — такие же, что и до атаки. Как можно настолько владеть собой при угрозе смерти?

Прозвучал повелительный свист, и орава расступилась. Вперед метнулся боец, излил жидкое пламя. Летающий дом, как тушу на прутьях, объяли огонь и дым.

Викврэкрам выругался про себя. Чужаку хана.

О раненых и покалеченных шкуродерники не слишком заботились. Seriously пострадавших грузили на волокуши и оттаскивали подальше, чтоб их крики не мешали остальным. Чистильщики отогнали фрагментных бойцов от летающего дома. Фраги слонялись по неровному лужку, то тут, то там возникали мимолетные стайки. Некоторые целеустремленно блуждали среди раненых, игнорируя вопли и пытаясь обрести себя.

Когда шум битвы стих, явились трое белокурточников. Слуги Шкуродера проникли под летающий дом. Одного долго не было видно: вероятно, он даже внутрь пролез. Обгоревшие тела двух элементов чужака осторожно — куда осторожнее, чем раненых солдат, — погрузили на волокуши и унесли прочь.

Джакерамафан рассматривал поле боя в свою гляделку. Он перестал прятать прибор от Странника. Белокурточники что-то вынесли из летающего дома.

— Тсс! Там еще мертвые. Наверное, сгорели. На щенков похожи.

Тельца тоже были похожи на богомолов. Их перенесли на волокуши и утащили в сторону: гребень холма закрывал обзор. Наверняка там запряженные керхогами фургоны.

Шкуродерники выставили вокруг места посадки часовых. На склонах долины выстроились десятки солдат. Проскользнуть туда шансов не было.

— Ну что ж, — вздохнул Странник, — они всех перебили.

— Не скажи... Тот первый элемент, которого они подстрелили: не думаю, что он совсем мертвый.

Викврэкрам напряг лучшие свои глаза. Либо Грамотей выдает желаемое за действительное, либо приборчик невероятно обостряет его зрение. Первый подстреленный элемент лежал по другую

сторону штуковины с небес. Элемент перестал думать, но это не обязательно означает смерть. Вокруг него столпились белокурточники. Они перенесли существо на волокушу и потянули на юго-запад от места посадки. Не тем путем, что остальных.

— Оно еще живо! У него стрела в груди, но я вижу, что оно дышит. — Грамотей повернул морды к Викврэкраму. — Думаю, надо его спасать.

Мгновение Странник не знал, что сказать, а просто пялился на товарища. Всего в нескольких милях к северо-западу расположен центр всемирного господства клики Шкуродера. На десятки миль вглубь континента господства шкуродерников никто не смел оспаривать. Сейчас их окружает целая армия. Грамотей немного сдал назад, видя изумление Странника, но ясно было, что он не шутит.

— Ну да, я знаю, что это опасно. Но жизнь вообще такова, разве нет? Ты же пилигрим. Ты понимаешь.

— Гм.

Да, это соответствовало репутации пилигрима. Но всесмерти ни одной душе не пережить — а в странствиях возможностей претерпеть полное уничтожение хватало. Пилигримы учатся вести себя осторожно.

Вместе с тем — ничего более захватывающего за все века его странствий не происходило. Познакомиться с чужаками, стать одним из них... перед таким искушением здравый смысл отступал.

— Смотри, — указал Грамотей, — можем спуститься вон там и смешаться с ранеными. Если перейдем через поле, то оттуда глянем, не слишком рискуя, как дела у последнего чужакова элемента. — Джакерамафан уже покидал свой наблюдательный пост и рыскал вокруг в поисках безопасного пути, чтобы не вырисовываться силуэтом против солнца. Викврэкрам пребывал в смятенных чувствах; какая-то часть его желала присоединиться, какая-то — колебалась. Проклятье! Джакерамафан сам признал, что он шпион; у него при себе штукенция, сработанная не иначе как самыми крутыми разведчиками Длинноозерья. Парень наверняка профессионал.

Странник быстро оглядел свою сторону холмов, потом долину. Тиратект или кого другого не видать. Он вылез оттуда, где прятался, и потрусил за разведчиком.

Они старались укрываться от клонящегося к северу солнца в глубоких тенях, перескакивая от пригорка к пригорку там, где

теней не было. Незадолго перед тем, как подойти к первому раненому, Грамотей сказал кое-что еще, самое ужасное за этот день:

— Да ладно, расслабься. Я в книжках про все такое читал!

Толпа фрагов и раненых — жуткое, оглушающее разум создание. Синглеты, дублеты, тройки, несколько четверок бесцельно бродили, хныча от потери контроля над собой. В большинстве случаев такая толпа на площади всего нескольких акров мгновенно становилась хором. Странник заметил кое-где проявления сексуальной активности и подобие организованного браузинга, но, в общем-то, над местом этим довлекло слишком много боли, чтобы проявились нормальные поведенческие реакции. У Викврэкрама мелькнула мысль: оставят ли шкуродерники, заядлые рационалисты, весь этот сброд раненых для пересборки? Если да, стаи отсюда выйдут странные и калечные.

Несколько ярдов вглубь толпы, и Странник Викврэкрам почувствовал, как сознание ускользает. Сконцентрировавшись как следует, он мог еще вспомнить, кто он и куда должен идти: на ту сторону луга, не привлекая к себе внимания.

Громкие, неприкрытые, чужие мысли колотили его:

...жажда крови и убийства...

...сверкающий металл в руке чужака... боль в ее груди... откашливает кровь, валится на землю...

...как ласков со мной был в тренировочном лагере мой лоскутный брат... Стальной Владыка говорил, что мы — великолепный эксперимент...

...бегу сквозь вереск в сторону чудовища, у того ноги как палки, прыжок с выпущенными когтями, бью монстра в горло, высоко взлетает кровь...

...где я?.. Можно стать частью тебя?.. Пожалуйста...

Странник резко обернулся при этом вопросе: нацеленном, близком. За ним увязался синглет. Отогнав фрагмента, он выбежал на открытое пространство. Впереди обнаружился этот Джеке-как-его-там, едва ли в сильно лучшей форме. Вряд ли их засекут, но Странник начинал сомневаться, что вообще прорвется. Он был всего-навсего четверка, а вокруг клубились синглеты. Справа ярился четверной фраг, хватая всех подряд — двоек и одиночек. Вик, Квк, Рэк и Рам пытались припомнить, зачем сюда приперлись и что тут творится. *Сконцентрироваться на прямом восприятии, на том, что происходит здесь и сейчас: тянет коготью от огнемета, роятся черные мушки, налетев на лужи черной крови...*

Прошло ужасно много времени: минуты. Вик-Квк-Рэк-Рам глянул перед собой. Он почти вырвался: достиг южной оконечности зоны распада. Подтянул себя на свободное пространство. Часть его выблевала, и он обмяк. Медленно возвращался рассудок. Вик-врэкрам огляделся, заметил в толпе Джакерамафана. Грамотей был здоровый парень, шестерка, но ему пришлось ничуть не легче. Он шатался, дико вертя глазами, рычал на себя и остальных. Гм. По крайней мере, они отмахали приличный кусок луга, и притом достаточно быстро, чтобы не сильно отстать от тянущих последнего чужацкого элемента белокурточников. Для дальнейшего потребуется покинуть толпу, не привлекая к себе внимания. Гм. Вокруг полно форменных курток шкуродерников... чьи обладатели мертвы. Странник отделил два своих элемента туда, где валялся мертвый солдат.

— Джакерамафан, сюда!

Великий разведчик оглянулся, и в глазах его сверкнуло подобие разума. Выбравшись из толпы, он уселся в нескольких ярдах от Викврэкрама. Гораздо ближе, чем было бы комфортно в нормальных условиях, но после того, что им довелось пережить, близость эта едва ощущалась. Мгновение он валялся пластом, тяжело сопя.

— Прости. Я и не думал, что это так тяжело. Я потерял одну свою... уж не надеялся ее вернуть.

Странник следил за продвижением белокурточников с волокушей. Они двигались в сторону от остальных и через несколько секунд наверняка пропадут из виду. Располагая прикрытием, можно последовать за ними... нет, слишком рискованно. Он начинал мыслить как заправский шпион. Странник стянул с трупа камуфляжную куртку. Прикрытие все равно понадобится; вдруг удастся продержаться здесь ночь и потом приглядеться поближе к летающему дому.

Спустя миг Грамотей увидел, что делает Странник, и начал подбирать куртки для своих элементов. Они блуждали между куч мертвецов, отыскивая форму не очень заляпанную и с отметками, которые, по мнению Джакерамафана, согласовывались между собой. Вокруг валялось множество накладных когтей и боевых топориков. Они вооружились до зубов, хотя котомки пришлось подгрузить. Требовалась еще только одна куртка, но Рам был так широк в плечах, что подобрать ему ничего не удавалось.

Странник толком не понял, что произошло затем. Крупный фрагмент — тройка — лежал ничком на куче трупов. Наверное, продолжал убиваться горем, даром что его элемент давно испустил

дух. В любом случае, фраг оставался почти полностью безмыслен, пока Странник не принялся стягивать с мертвого элемента куртку. Тут послышалось:

— Ты меня не ограбишь!

Он услышал жужжащий гул близкого гнева, а потом боль полоснула Рама по кишкам. Странник, корчась в агонии, повалился на врага. Мгновение пробежало в бездумной яростной драке. Боевые топорики Странника ударяли снова и снова, по мордам стаи брызгала кровь. Когда он пришел в себя, оказалось, что один элемент тройки издох, а остальные удрали, смешавшись с толпой раненых.

Викврэкрам окружил место, где обожгла Рама вспышка боли. Нападавший выпустил когти; Рама располосовало от ребер до паха. Викврэкрам споткнулся, увязнув частью лап в собственных внутренностях. Попытался носами запихать клубки кишок назад в брюхо элемента. Боль отступала, но и небо в глазах Рама постепенно меркло. Странник подавлял подступающие вопли. *Я всего лишь четверной, и один мой элемент умирает!* Он уже много лет говорил себе, что для пилигрима четыре элемента — слишком мало. Теперь он поплатится за это, пойманный без единой мысли в краю тиранов.

На краткий миг боль отпустила, разум прояснился. Драка не привлекла особого внимания — вокруг и так умирали, насиловали и бросались на всех подряд в приступах безумия. Стычка с участием Викврэкрама просто оказалась более жаркой и кровавой, чем прочие. Белокурточники ненадолго оглянулись в их сторону от летающего дома, но потом снова занялись чужацким грузом.

Грамотей сидел неподалеку, в ужасе взирая на него. Частью себя он подполз ближе, но тут же шарахнулся. Он сражался с собой, пытаясь сообразить, чем может помочь. Странник подумал, не попросить ли его, но это было бы слишком. Грамотей не пилигрим, он не поделится своим элементом добровольно...

Воспоминания хлынули бурным потоком; Рам старался как-то их упорядочить, передать оставшимся элементам знание былого. На миг он увидел себя плывущим на катамаране через Южное море: новоиспеченная стая, с Рамом-щенком; затем пришли воспоминания островитянина, которым Рам явился на свет, и стай, в которых он участвовал до этого. Они вместе обошли весь мир, выжили в трущобах Тропического Коллектива, уцелели на войне с Равнинными Стадами. О, сколько историй они слышали, скольким трюкам обучились, каких сородичей повстречали... Вик Квк Рэк Рам

был удивительной стаей: трезвомыслящей, легкого нрава, наделенной странным даром удерживать все воспоминания там, где и должно; потому-то и продержалась она так долго, не разросшись до пятерки или шестерки. Теперь за это придется заплатить великую, самую дорогую цену...

Рам испустил вздох, и небо над ним погасло. Разум Викврэкрама помутился. Не так, как в пылу битвы, когда боевая ярость стирает мысли, не так, как в спокойном сне. Четвертого элемента просто не стало. Остались трое, силившиеся собраться в личность. Тройка стояла, нервно похлопывая друг друга по спинам. Опасность исходила отовсюду, недоступная пониманию. Трое с надеждой глянули в сторону сидящей поблизости шестерки — как ее там звать? Джакерамафан, да? — но та шуганула их. Тройка нервно глянула на толпу раненых. Толпа несла дополнение... и безумие.

Крупный самец с глубокими шрамами на ляжках сидел на краю толпы. Он заметил озиравшуюся тройку и медленно прокрался к ней через открытое пространство. Вик, Квк и Рэк отползли назад, шерсть у них встала дыбом от восторга и ужаса. Элемент со шрамами был по меньшей мере вполовину тяжелее любого из них.

Где я?.. Можно стать частью тебя?.. Пожалуйста...

Мольба самца несла далекие, смятенные и почти недоступные воспоминания: о крови и сражениях, о военных тренировках, им предшествовавших. Существо отчего-то страшилось этих сцен. Опустив морду, всю в запекшейся крови, на землю, самец на брюхе пополз к ним. Остальные чуть не кинулись наутек; перспектива случайного слияния пугала их всех. Они отползали все дальше, на лужок. Самец приближался, но медленно, не переставая ползти. Квк облизала губы и осторожно подошла к незнакомцу. Вытянула шею, обнюхала его горло. Вик и Рэк подползали с флангов.

На миг осуществилось частичное единение. В поту и крови из ран — слияние в аду. Откуда ни возьмись возникла связанная мысль, осенив всю четверку проблеском циничного юмора. Затем единство распалось, и остались трое зверей, лижущих четвертому морду.

Странник обозрел луг новыми глазами. Он распадался лишь на несколько минут. Раненые из Десятого взвода пехоты остались, где были. Слуги Шкуродера продолжали теревить чужацкий груз. Джакерамафан медленно отползал, на мордах его читалась смесь ужаса и восторга. Странник опустил голову и прошипел ему:

— Не беспокойся, Грамотей, тебя я не стану выдавать.

Разведчик застыл.

— Это все еще ты, Странник?

— Более или менее. — Он остался Странником, но Викврэкшрамом быть перестал.

— К-как ты сумел? Т-ты же распался...

— Я странник, разве не помнишь? Мы всю жизнь так живем. — В голосе его прозвучал сарказм: сходными трюизмами Джакерамафан обожал потчевать его раньше. Не так уж они далеки от истины. Странник Викврэкшрам уже чувствовал себя единой личностью. Возможно, из новой комбинации что-то и получится.

— Укх. Э, ну да... А что нам теперь делать?

Шпион нервно озирался во всех направлениях, но в глазах, нацеленных на Странника, тревога была сильней.

Теперь озадачился сам Викврэкшрам. Что он тут делает? Он убил странного врага... э, нет. Это сделал взвод пехоты. Он к этому не причастен, что бы там ни твердила память элемента со шрамом. Они с Грамотеем пришли... спасти чужака, насколько удастся. Странник овладел воспоминаниями и без разбору загреб; они были реальны, они принадлежали прежней личности, которую следовало сохранить. Он глянул туда, где в последний раз заметил элемент чужака. Белокурточники и волокуша с чужаком пропали, но путь их был ясен.

— Мы все еще можем спасти выжившего, — сказал он Джакерамафану.

Грамотей бочком отстранился. От его былой решимости не осталось и следа.

— Только после тебя, приятель.

Викврэкшрам застегнул боевые куртки и стянул немного засохшей крови. Потом потрусил через луг, пройдя всего в сотне ярдов от прислужников Шкуродера и враж... летающего дома. Он резко отсалютовал им, но те не обратили внимания. Джакерамафан с парой арбалетов следовал за ним. Он как мог пытался подражать побежке Странника, но опыта у него не было.

Затем они перевалили через гребень холма, под которым развернулась битва, и углубились в тень. Стоны раненых стали тише. Викврэкшрам удвоил скорость, петляя с тропки на тропку, и поспешно спустился по крутому склону. Отсюда была видна гавань: лодки еще привязаны к пристани, и особой возни там не наблюдается. За его спинами Грамотей нес какую-то чепуху. Странник

побежал еще быстрее, уверенность его превозмогла обычное смятение новособранной стаи. Новый элемент, тот, со шрамом, был когда-то в стае офицера пехоты. Та стая знала гавань и окрестности замка, а заодно и все пароли, как свои когти.

Еще два поворота, и они обогнали слугу Шкуродера с волокушей.

— Эй! — крикнул ему Странник. — Стальной Владыка велел передать тебе новые инструкции!

При этом первом упоминании Стального Владыки по хребтам его покатился холодок. Прислужник опустил волокушу на землю и развернулся к ним. Викврэкшрам не знал его имени, но помнил по мордам: офицер довольно высокого ранга, самоуверенный выскочка. Странно, что он самолично прет эту волокушу.

Странник замер всего в двадцати ярдах от белокурточников. Джакерамафан наблюдал за ними с тропки выше по склону, стоя так, чтобы арбалетов не было видно снизу. Слуга Шкуродера нервно оглядел Странника, потом поднял глаза на Грамотея:

— Чего надо?

Возможно, он их уже заподозрил? Впрочем, какая разница... Викврэкшрам собрался для убийственного броска... и вдруг зрение его расчетверилось, разум помрачился, как у новичка. Теперь, когда настало время убивать, ужас элемента со шрамом парализовал его решимость. Проклятье! Викврэкшрам судорожно подыскивал нужные слова. Но когда мысли об убийстве покинули его, ожили новообетенные воспоминания:

— Стальной Владыка повелевает нам доставить это создание в гавань. Тебе же, э-э, надлежит возвратиться к той летающей штуковине захватчиков.

Белокурточники облизали губы. Глаза стаи рыскали по форменным курткам Странника и Грамотея.

— Самозванцы! — заверещал вдруг прислужник, сей же миг отделив одного своего элемента к волокуше. Лапы того сверкнули металлом. Хочет убить чужака!

Сверху прилетела стрела, бежавший элемент упал: древко вонзилось ему в глаз. Викврэкшрам занялся остальными, отогнав с передовой новичка со шрамом. На миг разум помутился снова, и он опять стал сам собой. Четыре глотки издали убийственное рычание. Две стаи схлестнулись. Шрам смел с тропы двоих элементов Прислужника. Вокруг засвистели стрелы. Вик Квк Рэк закрутилась, рубя топориками все, что стояло на их пути.

Потом все успокоилось, и Странник снова обрел рассудок. Три элемента Прислужника корчились на тропе в смертных муках, обильно поливая землю кровью. Он отпихнул их с дороги туда, где валялись остальные, убитые Шрамом. Никто из вражеской стаи не выжил. Он совершил всеубийство и должен был принять на себя вину за это. Он повалился наземь, зрение опять расчетверилось.

— Чужак, — сказал Грамотей. — Жив еще. — Он стоял вокруг волокуши, принюхиваясь к богомолообразному телу. — Хотя и без сознания. — Он потянул волокушу за оглобли и вопросительно оглянулся на Странника. — Что... что нам теперь делать, Странник?

Странник лежал на грязной земле, собираясь с мыслями. «Действительно, что теперь делать?» Как он умудрился вляпаться в это дерьмо? Единственное объяснение — смятенный ум новособранной стаи. Он просто позабыл, почему спасать чужака бесполезно, а теперь влип в это дело по уши. «Вот же стаеговно». Частью себя он отполз на край тропы и осмотрелся. Вряд ли они привлекли чье-то внимание. В гавани по-прежнему ждали пустые лодки; большая часть пехотинцев оставалась выше, в холмах. Несомненно, слуги Шкуродера намерены оттащить мертвых в форт. А когда соберутся перевозить на Тайный Остров? Или они ждут чьего-то прибытия?

— Может, стырим несколько яликов и поплывем на юг? — предложил Грамотей.

Да уж, гигант мысли. Он что, не врубается, что гавань оцеплена? Пускай им известны пароли, все равно о них доложат с первого же поста. Шанс прорваться один на миллион. Но пока не влился Шрам, не было и такого.

Он обследовал лежавшее на носилках существо. Диковинное, но реальное. И не только существо удивляло, хотя облик его был всего поразительнее. Окровавленная одежда его была из ткани более тонкой, чем Странник видел за всю свою жизнь. Рядом с телом элемента лежала розовая, искусно вышитая подушка. Изменив перспективу, он сообразил, что это, должно быть, произведение чужацкого искусства — на подушке красовалась удлиненная морда какого-то животного.

Ну что же, шанс прорваться через гавань один из миллиона, но некоторые призывы стоят подобного риска.

— Спустимся немного дальше, — сказал он.

Джакерамафан тащил волокушу, Викврэкшрам трусил впереди, храня важный вид офицера. Присутствие Шрама облегчало задачу. Элемент был сама воинская доблесть, и только изнутри стаи можно было углядеть его слабости.

Они спустились почти до уровня моря.

Тропа на этом участке расширялась и была вымощена булыжником. Он знал, что форт наверху, но скрыт из виду деревьями. Солнце довольно далеко уклонилось от севера, поднявшись в восточном небе. Везде цвели цветы, белые, красные, фиолетовые, их колыхал порывистый ветер — арктическая растительность извлекала пользу из бесконечного летнего дня. Прогуливаясь по горячим от солнца булыжникам, легко можно было позабыть про засаду в холмах, но вскоре они наткнулись на первый кордон. Линейные и кольцевики — любопытный народ. Не слишком умны, но, пожалуй, эффективней любой стаи за пределами тропиков. Ходили слухи о цепях длиною десять миль, из тысяч элементов. Самая крупная, виденная Странником лично, насчитывала менее сотни. Стоит лишь взять обычную стайку и натаскать их, чтоб стояли ровно, не как стаи, а как индивиды. Если каждый элемент отделен от ближайших соседей всего несколькими ярдами, уровень их интеллекта в общем не слабее тройки. Группа эта как целое вряд ли сильно умней — если идее требуются секунды, чтобы миновать отдельный разум, тебе уже не до глубоких размышлений. Зато линейные очень четко себе представляли, что творится вдоль цепи. Если на кого-то из элементов напали, вся цепь узнавала об этом со скоростью звука. Странник служил раньше в линейных; работенка муторная, но не такая скучная, как у обычного часового. Тяжело скучать, если ты такой дурень.

Вон там! Одиночный элемент вытянул шею из-за дерева и зыркнул на них. Викврэкшрам, разумеется, знал пароль, так что внешний пост они без труда миновали. Но теперь всей цепи стало известно, кто пришел и по какому маршруту движется. И разумеется, обычным солдатам из форта — тоже.

Проклятье! Выхода не было. Только продвигаться, следуя безумному плану. Они с Грамотеем и чужацким элементом миновали еще два внутренних кордона. Он почуял запах моря. Из-за деревьев — в окаймленную скалами гавань. Волны сверкали миллионами серебряных искорок. Меж двух причалов колыхалась большая многостайная лодка. Мачты корабля походили на безлиственный лес. Всего в миле от берега виднелся Тайный Остров. Часть Стран-

ника застыла, пораженная, часть не усмотрела в этой картине ничего необычного. Вот он, центр всемирного Движения Шкуродера. Там, высоко в мрачных башнях, исходный Шкуродер занимался опытами, писал труды и строил планы покорения мира.

На причалах было довольно пустынно. Большинство местных выполняли рутинную работу: латали паруса, конопатили лодки. Появление волокуши пробудило в них живой интерес, но приблизиться никто не осмелился. «Нам нужно лишь спокойно добраться до края пирса, обрезать швартовы вон той крайней лодки и отплыть». На причале, пожалуй, хватит стай, чтобы им помешать, — и вой их наверняка привлечет солдат из форта. Если подумать, странно, что еще никто не поднял тревогу.

Эти лодки технически уступали тем, что он видел в Южных морях. Частично различие сводилось к нефункциональным деталям: доктрина Шкуродера воспрещала ненужное украшательство кораблей. Частично же — к функциональным: суда эти могли курсировать как летом, так и зимой и годились для перевозки войск. Впрочем, Странник полагал, что управится с такой лодкой. Он подошел к оконечности причала. Гм. Наконец-то привалила удача: ближайшая к нему справа, с носа и штирборта, двухкорпусная лодка производила впечатление быстроходной и хорошо оснащенной. Надо полагать, разведывательный корабль для дальних походов.

— Тсс, — дернул мордой Грамотей, указав на форт. — Там что-то происходит.

Войска смыкали ряды — готовятся отдать честь? Пятеро прислужников Шкуродера протрусили перед пехотинцами, с башен форта прогудели трубы. Шрам такое уже видел, но Странник не доверял его памяти. Как тогда...

Над фортом взвился красно-желтый флаг. Солдаты и докеры на причале упали на животы. Странник последовал их примеру и зашипел на Грамотея:

— Ложись!

— Э?

— Знамя Шкуродера! Он сам, лично!

— Не может быть!

Шкуродера убили в Республике шесть десятидневок назад. Толпа, порвавшая его на части, порешила заодно и десятки его высокопоставленных сторонников... Однако о том, что идентифицировать удалось все тела Шкуродера, сообщала лишь политическая полиция Республики.

Высоко на башне меж рядов солдат и белокурточников гордо продефилировала единственная стая. Плечи ее сияли серебром и золотом. Грамотей высунулся за кучу снастей одним элементом и тайком выудил свою гляделку. Мгновение спустя послышалось:

— Да чтоб моей душе... Это ж Тиратект!

— Она такой же Шкуродер, как и я, — ответил Странник. Они вместе прошли к Восточным Вратам через Ледовые Клыки. Она с очевидностью новособралась, и процесс интеграции еще не завершился. Она казалась сдержанной и задумчивой, но временами ее пробивало на ярость. Странник чувствовал в Тиратекте нечто смертоносное... Теперь он понял, откуда исходило это веяние. По крайней мере некоторые элементы Шкуродера избежали гибели... и они с Грамотеем провели три десятидневки в их компании. Странника пробила дрожь.

У ворот форта стая, звавшая себя Тиратект, развернулась оглядеть солдат и прислужников. Она сделала жест, и снова заревели трубы. Новый Странник узнал этот сигнал: Воззвание. Пришлось подавить порыв последовать за остальными, пока те ползли на брюхах через ворота, возведя очи горе, к Хозяину. Грамотей метнул на него взгляд, и Странник кивнул. Им требовалось чудо, и вот оно — явлено самим врагом! Грамотей медленно перепополз на край пристани, перетаскивая волокушу от тени к тени.

Пока что не оглянулся никто. На то имелась причина: Викврэкшрам помнил, что случается с теми, кто проявит неуважение к Воззванию.

— Перетаси это создание в лодку, что закреплена с носа и штирборта, — велел он Джакерамафану. Скатился с пирса и рассредоточился по многостайке. Как приятно снова очутиться на волнах, когда каждого элемента несет в свою сторону! Он обнюхал носовые катапульты, прислушался к поскрипыванию швартовых и корпуса.

Увы, Шрам не моряк и не помнит того, что может оказаться самым важным.

— Ты что ищешь? — прошипел Грамотей высокой речью.

— Люкоблки. Если они тут и есть, то выглядят совсем не так, как у лодок Южных морей.

— А, это просто, — сказал Грамотей. — Это ж северные волнорезы. Тут откидные панели, а за ними корпус, совсем тонкий. — Два его элемента на секунду скрылись из виду, что-то бухнуло,

головы возникли снова, отряхнулись от воды. На мордах проступила удовлетворенная усмешка: он и сам не ожидал такого успеха. «Ты глянь, — словно бы говорила вся его поза, — совсем как в книжках пишут!»

Виквэрэкшрам и сам уже нашел то, что искал: панели на первый взгляд закрывали каюты отдыха команды, но, когда он их оттянул, оказалось, что за ними деревянный корпус, легко поддавшийся топору. Он высунул одну голову наружу, проверяя, не привлек ли еще внимания, а остальными элементами врубился в люкоблоки. Странник и Грамотей пробежались вдоль носовых бортов многостайки, работая слаженно: если корпус развалится, погоне придется несладко.

Ой! Один из портовых работников оглянулся. Частью себя он продолжал вползать по склону, но частью порывался вернуться на пирс. Снова повелительно взревели трубы, и стая повиновалась. Но на ее тревожные вопли оборачивалось все больше голов.

Укрываться времени не было. Странник опрометью кинулся к выбранной лодке. Грамотей рубил тросы, сочленявшие катамаран с остальным кораблем.

— Ты ходил под парусом? — уточнил Странник.

Дурацкий вопрос, разумеется.

— Ну-у, я читал...

— Ладно! — Странник загнал его в лодку. — Следи, чтоб с чужаком все было в порядке. Сядь и нишкни.

Он и сам управился бы с катамараном, но для этого требовалась сосредоточенность. Чем меньше посторонних мыслезвуков, тем лучше.

Странник отчалил от многостайки. Корабль еще не затонул, но уже заметно погружался в воду. Развернувшись, он багром загнал ближнюю лодку туда, где стояла угнанная ими. Еще пять минут, и над водой останутся только верхушки мачт. Пять минут. Ни за что бы не сработало, кабы не Воззвание Шкуродера. Солдаты в форте вверх по берегу разворачивались, указывая на гавань, все еще скованные присутствием Шкуродера/Тиратект. Сколько пройдет времени, прежде чем какой-то важный чин не решит, что такой угрозе даже Воззвание не помеха?

Он поднял парус. Ветер надул полотнище, подхватил катамаран, и двухкорпусная лодка отчалила от пристани. Странник носился по катамарану, натягивая пастями снасти. Рама больше не было, но память о том, каков на вкус соленый такелаж, вернулась!

Он интуитивно натягивал и давал слабинку, выжимая всё, что позволял ветер. Узкая, тонкая, лодка летела вперед, мачта из железного дерева скрипела под напором наполнявшего парус ветра.

Шкуродерники ссыпались вниз по склону к гавани. Лучники встали на изготовку, и в воздух полетела туча стрел. Странник дернул снасти, креня катамаран влево по одному борту. Грамотей прыгнул к чужаку, прикрывая того. Со стороны штирборта вода вскипела от стрел, но лишь несколько поразили лодку. Странник снова натянул шкоты, лодка вильнула в другом направлении. Солдаты выбегали на пристань, оглашая берег страдальческими воплями: они увидели, что случилось с их кораблем. Носовые ряды ушли под воду, вся передняя часть корабля. А катапульты-то были именно на носу.

Странник развернул катамаран на прежний курс и устремился прямо на юг, прочь из гавани. Справа по борту теперь проплывала южная оконечность Тайного Острова, с высоким и зловещим Замком. Он знал, что там есть тяжелые катапульты, а в островной гавани — скоростные лодки. Он только начинал понимать, как проворна та, которую они угнали: ну да, стоило раньше сообразить. Самую быструю обычно ставят в угловую позицию на носу, а используют для разведки и погони.

Джакерамафан сгрудился на корме, глядя в сторону материковой гавани. Там сновали солдаты, рабочие и белокурточники, разметающиеся по пристани от края до края. Гомон стоял такой, что думать было тяжело, и даже с такого расстояния стало ясно, что враги в ярости и отчаянии. По мордам Грамотея расплзлась глуповатая усмешка: он так до конца и не верил, что затея выгорит. Взметнувшись через релинг, он исполнил одним элементом захватский прыжок. Оскорбительный жест с берега был едва замечен, но враги поняли: далекий мыслерев гнева на миг усилился.

Они уже отплыли далеко на юг от Тайного Острова, и даже замковые катапульты не могли бы их достать. Стаи, клубившиеся на берегу, пропали из виду. Личное знамя Шкуродера, однако, продолжало весело реять на утреннем ветру, мелькая на фоне лесной зелени красной и желтой полосами.

Странник обратил все глаза к узкому проливу, где пасть Китового Острова почти смыкалась с материком. Шрам помнил, что это узкое место хорошо укреплено. Тут бы им и конец, но всех лучников оттуда отзывали для атаки на чужака, а катапульты крепости были на ремонте.

Свершилось чудо! Они живы, на свободе, да еще и прихватили с собой величайшее сокровище всех его странствий. Он так громко завопил от радости, что Джакерамафан аж прижался к палубе. Эхо победных криков еще долго звенело в холмах, зеленых и запятнанных снегом.

ГЛАВА 5

Джефри Ольсндот мало помнил о нападении, а резни и вовсе не видел. Снаружи раздался шум, мама испуганно окликнула его и приказала не выходить. Потом дым, много дыма. Он задыхался, пытался выбраться на воздух, наконец потерял сознание. Когда пришел в себя, оказалось, что его привязали к чему-то наподобие носилок скорой помощи, а вокруг шныряют большие собакоподобные существа. В белых куртках, обшитых тесьмой, псы выглядели очень забавно. Он помнил, как его заинтересовало, где их хозяева. Псы издавали разные звуки: булькали, жужжали, шипели. Некоторые из этих звуков были так высоки по тону, что Джефри их почти не слышал.

Потом он очутился в лодке, а еще позже — в колесном фургончике. Прежде он видел замки только на картинках, однако место, куда его привезли, было настоящим замком: остроугольные каменные стены, хмурые нависающие башни. Они ехали в гору по затененным улицам, под колесами фургончика что-то цокало. Собаки-длинношейки не причиняли вреда, но путы ему сильно мешали. Он даже сесть не мог, по сторонам посмотреть. Он спрашивал, где мама, папа и Йоханна. Немного поплакал. Рядом с лицом возникла длинная морда и ткнула носом в щеку. Раздалось жужжание, пробиравшее до костей. Он не знал, утешали его или пытались напугать, но резко вдохнул и попробовал унять слезы. В конце концов, страумеру не пристало плакать.

Появилось еще больше собак в белых куртках, среди них были псы с дурацкими золотистыми и серебристыми нашивками на плечах.

Его снова куда-то поволокли на носилках, на сей раз — вниз по озаренному факелами туннелю. Остановились у двойных дверей, метра два в ширину, но едва ли метр в высоту. Пара металлических треугольников на светлом дереве. Впоследствии Джефри узнал,

что треугольники обозначали число: пятнадцать или тридцать три, смотря как считать — по лапам или передним когтям. А гораздо, *гораздо* позже он узнал, что захватившая его стая считала по лапам, в то время как строитель замка — по передним когтям. И его принесли не в ту комнату. Эта ошибка изменила историю миров.

Собаки каким-то образом открыли двери и втащили Джеффри внутрь. Сгрудились у носилок, тычась мордами в путы, ослабили их. Сверкнули ряды острых, как иголки, зубов. Бульканье и жужжание сделались очень громкими. Стоило Джеффри сесть, и псы попятись. Двое остались у дверей, а четверо вышли. Двери закрылись, и цирковой дивертисмент окончился.

Джеффри долго смотрел на двери. Он понял, что это не цирк: собакоподобные, надо полагать, разумны. Сумели перехитрить его родителей и сестру. *Где они?* Он чуть не расплакался по новой. После пожара на корабле он их не видел. Наверное, их тоже захватили в плен. Вероятно, держат в этом же замке, но в разных камерах. Надо как-нибудь найти друг друга!

Он поднялся, и его качнуло. Вокруг все еще смердело дымом. Не важно; пора разбираться, как далеко зашло дело. Он прошелся по комнате. Большая, не очень-то похожа на темницы, которые Джеффри видел в кино. Потолок очень высокий, куполообразный, прорезанный двадцатью вертикальными щелями. Солнечный свет падал через одну такую щель, попадая на обшивку стены, и в луче мошками танцевали пылинки. Других источников света в помещении не было, но в такой солнечный день хватало и этого. В четырех углах потолка, где стены сходились, образуя арочный купол, нависали низкие балконы. Он видел, что там в стенах устроены двери. С каждого балкона ниспадали тяжелые свитки. На них что-то было написано крупными символами. Он подошел к стене и ощупал жесткую ткань. Буквы были *нанесены краской*. Единственный способ изменить отображенную информацию — соскоблить их. *Ничего себе!* Как в старые времена, на Ньюоре, еще до Страумлианского Простора. Поверхность под свитками была из черного камня со стекловидной поверхностью. Кто-то рисовал на ней мелкими. Грубые изображения собак напомнили Джеффри детсадовские рисунки.

Он замер, вспомнив про детей, оставленных на борту и снаружи, рядом со шлюпкой. Лишь несколько дней назад он играл с ними в школе при Высокой Лаборатории. Последний год выдался странным — скучным и в то же время захватывающим. Все жили

вместе, в казармах, было прикольно, вот только у взрослых редко находилось время поиграть. По ночам небо выглядело совсем иначе, чем со Страума.

— Мы за краем Запределья, — любила говаривать мама, — и мы создаем Бога.

Сказав это впервые, она рассмеялась. Потом это повторяли многие, со все возрастающим ужасом. Последние часы были сплошным кошмаром — учебная тревога с погружением в гибернаторы оказалась настоящей. Все его друзья остались в тех капсулах... Джеффри разрыдался в жуткой тишине. Никто его не слышал. Никто не явился ему помочь.

Через несколько минут самообладание вернулось. Если собаки не попытались открыть капсулы, с его друзьями все должно быть в порядке. Если же мама с папой сумеют найти с собаками общий язык...

По комнате расставлена странная мебель: низкие столы и комоды, стойки, напоминавшие детские тренажеры, из такого же светлого дерева, как и двери. Вокруг самого широкого стола лежали черные подушки. На самом столе — свитки, покрытые символами и неподвижными картинками. Джеффри прошел вдоль стены — десять метров или около того. В этом месте каменный пол заканчивался, и там, где стены сходились, оставался участок неприкрытой земли два на два метра. Тут воняло даже сильнее, чем дымом. Воняло отхожим местом. Джеффри рассмеялся: и вправду, совсем как собаки!

Обшитые стены поглотили его смех, не вернув эха. Что-то заставило Джеффри посмотреть вверх, обвести взглядом комнату. Он-то думал, что один здесь, но на самом деле в «темнице» полно мест, где можно спрятаться. Он затаил дыхание и прислушался. Все тихо... почти: почти на пределе слышимости, там, где гудят некоторые машины, где не услышали бы ни мама, ни папа, ни даже Йоханна, что-то было.

— Я... я знаю, ты здесь! — резко, срываясь на визг, крикнул Джеффри.

Он прошелся из стороны в сторону, заглядывая за предметы мебели, но стараясь не приближаться. Звук не стихал: теперь, когда Джеффри вслушивался, это было понятно.

Из-за шкафчика выглянула маленькая голова с крупными темными глазами. Гораздо мельче, нежели у существ, которые притащили Джеффри сюда, но форма морды такая же. Мгновение они

глазели друг на друга. Джефри подался в ту сторону. *Щенок?* Головка исчезла, снова появилась. Джефри уловил краем глаза новое движение: еще одно черное создание смотрело на него из-под стола. На секунду его обуяла паника, он застыл как вкопанный. Но бежать было некуда. А что, если эти зверьки помогут найти маму? Джефри опустил на колено и медленно протянул руку.

— Ко мне... ко мне, песик!

Щенок выполз из-под стола, следя глазами за рукой Джефри. Восторженное изумление оказалось обоюдным: щенок был настоящий красавец. Наверное, породистый, если тут, как и во многих других мирах люди (или другие существа) долгие века разводили собак. Шерсть короткая, густая, как глубоко-черный бархат с белыми подпалинами. Два цвета резко контрастировали, следуя густыми полосами без серых полутонов. Вся голова существа была черной, а на ляжках перемежались черная и белая шерстка. Хвост короткий, не впечатляет, едва прикрывает задок. На плечах и голове Джефри заметил черную кожу — проплешины без шерсти. Но самой странной чертой в облике щенка была длинная гибкая шея. Больше подошла бы морскому зверю, чем собаке.

Джефри шевельнул пальцами, глаза щенка расширились, обнажив белок по краям радужки.

Что-то ткнулось ему под локоть, Джефри подскочил от неожиданности. Как их тут много! Еще двое выбрались рассмотреть его руку. А там, где раньше был один, появилось трое. Настороженно глядят в его сторону, выжидают. Теперь, когда они выбрались на открытое место, ничего враждебного или страшного он в них не увидел.

Один щенок тронул Джефри лапой за запястье и осторожно нажал. Одновременно второй вытянул морду и облизал пальцы мальчика. Язык оказался розовый, шершавый, длинный, закругленный. Высокий жалобно-ноющий звук усилился; три щенка сгрудились, прихватывая Джефри за руку.

— Эй, поосторожнее! — Мальчик отдернул руку. Он помнил, какие зубы у взрослых.

Внезапно комнату огласило бульканье и жужжание. Гм. Похоже скорей на щебет птиц-говорунов, чем на рычание собак. Еще один щенок подобрался ближе, протянув к Джефри узкий нос.

— Эй, поосторожнее! — произнес щенок, точно копируя голос мальчика. При этом пасть его оставалась закрыта. Он изогнул шею назад... Хочет, чтоб его погладили? Джефри потрогал: какая мягкая

шерстка! Жужжание стало очень громким. Джефри его даже сквозь шерсть ощущал. Жужжал не один звереныш: звук шел отовсюду. Щенок скользнул мордой к руке, и на этот раз Джефри позволил ему приблизить пасть к своим пальцам. Он внимательно следил за зубками, но щенок тоже аккуратничал, не касаясь ими кожи Джефри. Губы существа на ощупь казались парой пальчиков, которые смыкалась и размыкалась вокруг пальцев человека.

Трое щенят толкались под другую руку Джефри, словно им тоже захотелось, чтоб их приласкали. Он чувствовал, как они носами тычутся в спину, стараются вытащить рубашку из штанов. Действовали щенки на удивление скоординированно, словно это человек хватал его двумя руками за рубашку. *Да сколько же их тут?* На миг Джефри позабыл, где находится, и потерял осторожность. Перевернулся на бок и стал гладить малышей. Со всех сторон раздался удивленный писк. Двое песиков протиснулись под локти; еще как минимум трое запрыгнули на спину и растянулись на мальчике, тыча носами в уши и шею.

И Джефри постигло показавшееся великим озарение: взрослые чужаки распознали в нем ребенка, просто не поняли, какого возраста. Они его в детский сад отправили! Мама и папа, наверное, сейчас уже с ними общаются. Ну что ж, дела потихоньку идут на лад!

Стальной Владыка не случайно выбрал себе такое имя. Сталь — самый современный металл; сталь затачивается острее всего и почти не тупится; сталь накаляется докрасна, но не ломается; стальным лезвием орудует Шкуродер. Стальной был искусственной личностью, самым успешным творением Шкуродера.

В каком-то смысле искусство душепривоя — вещь не новая. Заводчики работали по тем же принципам, хотя и были ограничены простыми физическими показателями. Все заводчики сходились во мнении, что умственные способности той или иной стаи по-разному складываются из таковых ее элементов. За красноречие почти всегда отвечает определенная пара или тройка, другая — за пространственное восприятие. В основе достоинств и пороков лежали еще более сложные механизмы. Отвагу или проницательность нельзя было приписать какому-то элементу в отдельности.

Вклад Шкуродера в эту дисциплину, как и в большинство иных, состоял в беспощадной решимости отсеять все ненужное, оставляя лишь действительно важное. Он без конца экспериментировал, отбрасывая все результаты, кроме самых успешных. Он

уповал на дисциплину, выбраковку, недосмерть не меньше, чем на тщательный подбор элементов. Перед тем как создать Стальной, он уже потратил на опыты семьдесят лет.

Стальной провел годы в состоянии выбраковки, пока ему наконец не позволили обрести имя. Тогда определялось, какие его части в совокупности дают нужное существо. Без Шкуродера принуждения это оказалось бы невыносимым. Вот пример: если отбраковать часть самого себя, отвечающую за целеустремленность, как потом найти в себе силы сдирать шкуры дальше? Оформлявшемуся существу процесс этот казался умственным хаосом, лоскутным узором из ужаса и амнезии. За два года оно испытало больше изменений, чем многие — за два века, причем все перемены — целенаправленные. Поворотная точка была достигнута, когда они со Шкуродером идентифицировали тройку, у которой медленная соображалка сочеталась с излишне развитой совестью. Один из трех элементов служил мостиком для остальных. Когда его отправили в тишину, заменив точно подобранным, дело наладилось. Остальные манипуляции оказались проще, и так появился Стальной.

Когда Шкуродер отправился обращать в свою религию Длинноозерную Республику, вместо себя он оставил, что естественно, самое совершенное свое творение. Уже пять лет Стальной властвовал в сердце владений Шкуродера. Он не только сохранил достижения Шкуродера, но и приумножил их сверх осторожных первоначал.

А сегодня, за один солнцеворот вокруг Тайного Острова, он мог все потерять.

Стальной Владыка прошествовал в приемную и огляделся. Освежающие яства уже поданы. Свет солнца попадал через щель в потолке как раз в нужное место. Часть Шрека, его порученца, стояла в дальнем конце зала. Он обратился к ней:

— Я намерен побеседовать с гостем наедине.

Он избегал упоминать Шкуродера. Белокурточники подались назад, и незримые элементы стаи открыли дальние двери.

Пятерка — трое самцов, две самки — прошла через них, оказавшись в пятне солнечного света. Стая имела непримечательный вид, но Шкуродер никогда и не стремился блистать внешностью.

Две головы вздернулись, затеняя остальных глаза. Стая обозрела зал, заметила Стального Владыку в двадцати ярдах от себя.

— Ах... Стальной.

Голос был нежен, как скальпель, которым тебя гладят по короткой шерсти на горле.

Когда стая вошла в зал, Стальной из вежливости поклонился. Но, слышав голос, он ощутил, как сжались кишки, и непроизвольно припал брюхами к земле. Это *его* голос! В стае наличествовал по меньшей мере фрагмент исходного Шкуродера. Золотые и серебряные эполеты, личный стяг — все это можно подделать при самоубийственном нахальстве... Но манеру речи Стальной узнал безошибочно. Не приходится удивляться, что с появлением этой стаи дисциплина на материке утром полетела в тартарары.

Головы стаи, оставшиеся на солнце, ничего не выражали. А эти, в тени: не играет ли на них слабая усмешка?

— А где остальные, Стальной? Ныне выпала величайшая возможность за всю нашу историю.

Стальной оторвал животы от пола и выстроился вдоль перегородки:

— Господин, сперва нам необходимо кое-что обсудить. Только между нами двумя. Несомненно, вы частичный Шкуродер, но как много в вас...

Теперь ухмылка стала явственной, головы в тени насмешливо покачались.

— О да, мое лучшее творение обязано было задать такой вопрос. Ну что ж, этим утром я объявил себя подлинным Шкуродером, подлатанным парой замен. Истина... сложнее. Ты знаешь, что случилось на землях Республики.

Величайшая ставка Шкуродера — сотворить национальное государство. Миллионы падут, но даже при этом слияний будет больше, чем убийств. Кончится дело возникновением первого Коллектива за пределами тропиков. А государство Шкуродера станет не просто безмысленной агломерацией вроде той оравы, что слоняется по джунглям, но оружием с великолепным и безжалостным, как ни одна стая в истории, наконечником. Никто в мире не устоит против такой силы.

— Я пошел на великий риск ради еще более великой цели. Но принял меры предосторожности. Нам удалось обратить тысячи, многих — без понимания подлинных наших целей, зато верных и готовых к самопожертвованию, как и должно. Я всегда держал при себе особую группу таких. Политическая полиция оказалась умна: они науськали на меня свору. Последнее, чего я ожидал бы, — я, создатель свор. Но мои телохранители были превосходно натас-

каны... Когда нас загнали в ловушку на дне Парламентской Чаши, они убили по элементу или двум в каждой из особых стай. Я перестал существовать. Растворился меж трех обычных стай, охваченных паникой, в попытке вырваться из кровавой топи.

— Но ведь все окружавшие вас пали. Свора никого не пощадила...

Существо, похожее на Шкуродера, передернуло плечами:

— Отчасти это пропаганда республиканцев, отчасти же моя работа. Я велел телохранителям вырезать друг друга вместе со всеми, кто мною не был.

Стальной едва удержался, чтобы не восхититься вслух. План типичный для гения Шкуродера, для души столь могучей. Всегда остается возможность, что при покушении некоторые фрагменты удержат. Ходили легенды о пересобравших себя героях. В реальности такое случалось редко, и обычно для этого требовалось, чтобы жертву в ходе реинтеграции поддерживали сторонники. Но Шкуродер с самого начала планировал отложить пересборку до момента, когда отдалится более чем на тысячу миль от Длинноозерья.

И все же, и все же... Стальной Владыка оглядывал другую стаю в расчетливой задумчивости. Если отбросить голос и манеру вести себя... «Думай о власти, а не о чужих желаниях, пускай и Шкуродеровых». Стальной узнал только два элемента. Самки и самец с белыми кончиками ушей наверняка почерпнуты из стаи сторонника, принесшего себя в жертву. Скорее всего, перед ним только двое элементов настоящего Шкуродера. Едва ли они явят собой угрозу... разве что своей способностью подделываться под оригинал.

— А что с остальной вашей четверкой, господин? Когда следует ожидать вашего воссоединения?

Существо, похожее на Шкуродера, фыркнуло. Даже столь ущербное, оно отдавало себе отчет в балансе сил. Почти как в старые деньки: если двое явственно понимают, что есть власть, а что — измена, то измена эта становится почти невозможной. Порядок вещей неизменен: прирожденный правитель все обращает себе на пользу.

— Остальные располагают столь же превосходными... носителями. Я разработал детальные планы: пустил их по трем разным дорогам навстречу трем разным агентам. Я прибыл в срок. Не сомневаюсь, что и они появятся, максимум через несколько десятидневков. До той поры, — все головы стаи обернулись к Стальному, — до той поры, милый мой Стальной, я не стану принимать на

себя полную роль Шкуродера. Я поступил так раньше, дабы расставить приоритеты и сберечь свой фрагмент до полной сборки. Но стая эта нарочно оглуплена, и я понимаю, что она не годится для правления моими прежними созданиями.

Стальной был поражен. Располагая лишь половиной разума, создание это строило великолепные планы. Почти совершенные.

— Так что же, вы отойдете в тень на несколько десятидневок? Отлично. Однако вы уже возвестили о себе как о Шкуродере. Как же мне вас представить?

Другая стая не колебалась.

— Тиратект, Шкуродер в Ожидании.

Шифрование: 0

Получено: Трансивер Маршрутизатора 03, Маршрутизатор

Путь перевода: Самношк¹ → трисквелин (диалект СК), устройства Маршрутизатора

От: Основной Страумли

Тема: В Нижней Трансценденции открыт архив!

Краткое содержание: Наши выходы на Известную Сеть будут временно отключены

Ключевые фразы: Трансценденция, хорошие новости, деловые возможности, новый архив, проблемы коммуникации

Рассылка в/на: группу по интересам Где они сейчас?, группу по интересам Номо Sapiens, группу администраторов Разношерстный выводок; трансивер Маршрутизатора 03, Маршрутизатор; трансивер Песня ветра на Нижнем Деблее; трансивер Недолгая остановка на Краткой Задержке

Дата: 11:45:20 по времени Причалов, 1 день 9 месяца 52089 оргода

Текст сообщения: Мы счастливы возвестить, что изыскательская компания людей со Страумлианского Простора обнаружила в Нижней Трансценденции доступный архив. Не стоит расценивать это как информацию о Трансценденции или создании новой Силы. На самом деле мы даже отложили настоящее сообщение, пока не уверились в наших правах собственности и безопасности архива. Мы установили интерфейсы, призванные обеспечить взаимодействие

¹ Самношк (samnorsk) — на Земле: искусственная версия норвежского языка. Создан в рамках проекта конвергенции стандартизированной литературной речи, восходящей ко временам датско-норвежской унии, а потому близкой датскому языку (букмол), и пуристического конгломерата чисто норвежских провинциальных диалектов (нюношк). Никогда не был популярен; в 2002 г. преподавание самношка прекращено.

архива со стандартными поисковыми запросами из Сети. Через несколько дней будет открыт коммерческий доступ к архиву (см. ниже обсуждение проблем с расписанием).

Архив примечателен высокой сохранностью, легкостью толкования и возрастом. Мы полагаем, что в нем содержится утраченная в остальных копиях информация о разрешении противоречий и координации межрасовых взаимоотношений. Подробности мы разошлем в соответствующие новостные группы. Мы весьма довольны этим. Следует подчеркнуть, что взаимодействия с Силами не потребовалось и никакая часть Страумлианского Простора не претерпела Трансценденции.

Теперь о плохом: схемы разрешения противоречий и перевода, к сожалению, подверглись кленирации [?] на разделительном армифлаге [?]. Подробности должны впечатлить подписчиков новостной группы Проблемы коммуникации, которых мы впоследствии снабдим отчетом. Но по крайней мере на сто следующих часов все наши выходы (основные и побочные) на Известную Сеть будут отключены. Входящие сообщения могут буферизоваться, но без гарантий доставки. Перенаправление сообщений не производится. Мы приносим извинения за эти неудобства и обещаем как можно скорее их устранить.

Физического делоборота эти проблемы никак не коснутся. Страумлианский Простор, как и прежде, рад туристам и торговле.

ГЛАВА 6

Оглядываясь в прошлое, Равна Бергсндот понимала, что библиотекаршей ее сделала судьба. Девочкой на Сьяндре Кей¹ она влюбилась в истории «века принцесс». Приключенческие повествования о временах, когда немногие отважные дамы вели человечество к процветанию. Они с сестрой бесчисленные вечера провели, разыгрывая, как Вторая Величайшая спасает Графиню Озера. Впоследствии им стало ясно, что Ньюйору с ее принцессами давно

¹ Элемент Kei в Sjandra Kei, видимо, аналогичен традиционному английскому Key (от исп. *caño* — «островок») в обозначениях островов и островных цепочек и указывает на расположение планет этой цивилизации компактным «архипелагом». Sjandra, возможно, имя собственное, измененное на норвежский манер.

затянула дымка времени. Сестра Линн¹ обратилась к более практичным занятиям, но Равне по-прежнему хотелось приключений. В подростковые годы она мечтала эмигрировать на Страумлианский Простор. *Такая* цель была весьма реалистична. Представить только: новая, преимущественно человеческая колония прямо на Вершине Запределья! К тому же на Страуме привечали иммигрантов с материнской планеты: предприятие это насчитывало едва ли сто лет. Они или их дети первыми из людей в Галактике достигнут трансцендентного перехода своей расы. Есть шанс превратиться в богиню и стать богаче обитателей миллиона Запредельных миров. Мечта достаточно реалистичная, чтобы провоцировать бесконечные споры с родителями. Ибо небес не бывает без ада. Страумлианский Простор вплотную сблизился с Трансценденцией, и люди там играли с «тиграми за решеткой». Папа и впрямь прибег к этому вымученному сравнению. Размолвка отдалила их друг от друга на несколько лет. Потом, на курсах компьютерных наук и прикладной теологии, Равна кое-что почитала про те давние ужасы. Может, и стоило поостеречься. Лучше сперва оглядеться, как пойдут дела. Кроме того, имелся и обходной путь постичь все доступное пониманию человека в Запределье: Равна стала библиотекаршей.

— Дилетантка высшей пробы! — язвила Линн.

— И что с того? — огрызалась Равна. Но мечта о странствиях не до конца утасла в ней.

Жизнь в Хертейском университете на Сьяндре Кей идеальна для тех, кто уже четко определился, чего от нее хочет. Здесь всю ее можно было беспечно провести — вот только на выпускном курсе случился конкурс на участие в программе удаленной стажировки при Организации Вриними. Главный приз — трехлетнее обучение в архиве Маршрутизатора. Шанс из тех, что выпадают лишь однажды: вернувшись, Равна знала бы куда больше местных академиков.

Вот так получилось, что Равну Бергендот занесло за двадцать с небольшим тысяч световых лет от дома, на сетевой хаб миллиона миров.

Уже час как село солнце. Равна плыла через Градопарк в сторону резиденции Грондра Вринимикалира. На планете она с момента прибытия в систему Маршрутизатора бывала считанные разы.

¹ Норвежское женское имя, возможно, от старонорв. и исл. hlín — «защитница» (имя божества).

Большая часть работы протекала в самих архивах — за тысячу световых часов отсюда. В этой части Земсторонья стояла ранняя осень, хотя сумерки окрасили листву в оттенки серого. Там, где находилась Равна, в ста метрах над поверхностью, воздух морозно покалывал ноздри. Под ногами проплывали огни пикников и игровые поля. Организация Вриними не слишком-то тратилась на эту планету, но мир был прекрасен. Пока получалось не отрывать взгляда от темнеющей земли, Равна могла представить себя дома, на Съяндре Кей. Но стоило взглянуть в небо, и становилось понятно, что дом ужасно далеко, за все двадцать тысяч световых лет: галактический вихрь спиралью закручивался к зениту.

В сумерках он светился совсем неярко, да и вряд ли обретет большую яркость этой ночью. Скажем, в западном небе кластер внутрисистемных фабрик сиял сильнее любой луны. Там ослепительно сверкали быстролетные звездочки и лучики, порой так, что от гор Градопарка к востоку падали резкие тени. Еще через полчаса взойдут Причалы. Яркостью они уступали фабрикам, но совокупно затмевали всё, кроме дальних звезд.

Равна шевельнулась в антиграв-сбруе, сбросила высоту. Аромат осени и пикников усиливался. Внезапно ее окружил щелкающий калирский смех: она угодила прямо в серединку аэрбольного игрового пространства. Равна распростерла руки, притворно моля о снисхождении, после чего отплыла прочь.

Путь через парк близился к концу: она уже видела пункт назначения. Резиденция Грондра ‘Калира в пейзаже Градопарка выделялась: здание было приметное, возведенное еще в те времена, когда Орга выкупила техкомплексы Маршрутизатора. С высоты всего восьмидесяти метров Равна уже различала компактный силуэт дома, закрывавший часть неба. В просверках фабрик стены монолитного здания маслянисто отсвечивали. Грондр отдавал приказы начальству ее начальника. За два года она говорила с ним ровно три раза.

Нельзя больше медлить. Вся на нервах и крайне заинтригованная, Равна еще больше снизилась и позволила электронике дома указать ей путь ко входу меж древесных крон.

Грондр Вринимикалир принял ее вежливо, как было заведено в Организации меж многими расами. Убранство гостиной равно подходило и человеку, и вринимийцу. Принесли освежающие напитки. Прозвучали вопросы о ее работе в архиве.

— Результаты неоднозначны, почтеннейший, — искренне ответила Равна. — Я многому научилась. Стажировка приносит то, что и обещано. Впрочем, я опасаясь, как бы работа нового подразделения не потребовала дополнительного слоя индексации.

Все эти данные старый хрыч мог получить из отчетов одним мановением пальца.

Грондр с отсутствующим видом потер рукой глазные пятнышки.

— Да, разочарование ожидаемо. Мы подошли вплотную к пределам информации, доступным при таком расширении. Эграван и Дерке, — (так звали начальника Равны и начальника этого начальника), — вполне довольны вашей работой. Вы хорошо образованны и быстро обучаетесь. Полагаю, людям найдется место в Организации.

— Благодарю, почтеннейший. — Равна даже покраснелась.

Похвала Грондра, высказанная как бы между прочим, была ей очень важна. И позволяла рассчитывать на прибытие новых людей, может, даже до завершения ее стажировки. Так что, это и было поводом к беседе?

Она старалась не смотреть на него. Она уже пообвыкла в обществе вринимийцев. Издали калиров можно было принять за гуманоидов, но вблизи различия становились отчетливо видны. Раса эта происходила от насекомоподобных существ. При переходе к прямохождению эволюция по необходимости переместила опорные структуры внутрь тела, а снаружи оставила сочетание бледных хитиновых пластин с кожей личинки. На первый взгляд Грондр мог показаться обычным представителем этой расы, но во всех его движениях — одежду поправить, глазные пятнышки поскрести — сквозила странная, размеренная точность. Эграван говорил, что Грондр очень и очень стар.

Грондр вдруг резко сменил тему:

— Вы замечали... перемены на Страумлианском Просторе?

— Вы имеете в виду падение Страума? Да. — «Хотя и странно, что ты заметил».

Страумлианский Простор занимал видное положение среди человеческих цивилизаций, но в трафике сообщений, проходивших через Маршрутизатор, его доля была пренебрежимо мала.

— Пожалуйста, примите мои соболезнования.

Со Страума поступали бодрые реляции, но ясно было, что Страумлианский Простор постигла тотальная катастрофа. Почти любая раса так или иначе выбиралась к Трансценденции, чаще

становясь сверхразумом — Силой. Но уже стало очевидно, что страумеры сотворили (или пробудили) Силу со смертоносными свойствами. Судьба их оказалась ужасна, как и пророчил отец Равны. Злосчастье это ныне ширилось по всему бывшему Страумлианскому Простору.

— Эти новости повлияли на вашу работу? — продолжил Грондр.

Разговор становился все любопытнее. Она готова была поклясться, что собеседник подводит ее к искомой теме. Может быть, к этой?

— Э-э, нет, почтеннейший. Происшествие на Страумлианском Просторе ужасно, в особенности для человека. Но мой дом — Сьяндра Кей. Страумлианский Простор отпочковался от нас, однако родственников у меня там нет.

«Хотя я сама могла там очутиться, если бы маму с папой не послушала». По правде говоря, когда основной Страумли выпал из Сети, со Сьяндрой Кей почти сорок часов не было связи. Это очень тревожило Равну, поскольку любое перенаправление должно осуществляться мгновенно. Коммуникации в конце концов наладили, загвоздка была в поврежденных схемах перенаправления по обходному маршруту. Равна даже истратила сбережения за полгода на обмен сообщениями в реальном времени. С Линн и родителями все оказалось в порядке; катастрофа страумеров обещала стать новостью столетия на Сьяндре Кей, но все же это была далекая беда. Равна еще подумала, выпадало ли кому из родителей дать ребенку совет более ценный!

— Отлично, отлично. — Пластины рта шевельнулись, человек бы на его месте покивал.

Грондр так склонил голову, что на девушку теперь смотрели только периферические пятнышки. Казалось, он и вправду колеблется. Равна молча откинулась в кресле. Грондр ‘Калир — пожалуй, самый чудаковатый функционер Организации. Он единственный выбрал себе постоянным жилищем Земсторонье. Официально заведовал архивами, а на практике возглавлял подразделение анализа рынка, то есть разведку Вриними. Ходили слухи, что он бывал на Вершине Запределья. Эграван клялся, что у Грондра искусственная иммунная система.

— Видите ли, страумлианская катастрофа неожиданно перевела вас в разряд самых ценных сотрудников Организации.

— Я... не понимаю...

— Равна, слухи в Группе угроз — правда. У страумеров была в Нижней Трансценденции лаборатория. Они там забавлялись с алгоритмами из какого-то потерянного архива. И сотворили новую Силу. Кажется, это искажение второго класса.

В Известной Сети искажения второго класса регистрировались примерно раз в столетие. Срок жизни таких Сил в норме — лет десять. Но они отличались исключительным злонравием и за десять лет успевали нанести колоссальный урон. О бедный Страум!

— Как видите, здесь открывается потрясающая возможность для прибылей — или убытков. Если злосчастье распространится, мы потеряем пользователей Сети. С другой стороны, все соседи Страумлианского Простора заинтересованы в отслеживании происходящего. Это может увеличить наш трафик на несколько процентов.

Грондр выразился хладнокровней, чем она бы предпочла, но зрил в корень. Возможная прибыль напрямую завязана на борьбу с искажением; не закопайся она так в архивную работу, сама бы догадалась. Равна размышляла вслух:

— Открываются даже более заманчивые возможности. Исторически другие Силы проявляют интерес к таким искажениям. Они запрасят новостные ленты Сети, а также... сведения о расесоздательнице. — Голос ее оборвался, и она наконец сообразила, чему обязана встречей.

Грондр пощелкал ртом в знак согласия.

— Это верно. Наш Маршрутизатор расположен как раз в удобном месте для новостного обмена с Трансценденцией. У нас есть и собственный представитель человечества. За последние три дня мы получили десятки запросов от цивилизаций Вершины Запределья, причем некоторые, по их утверждениям, действуют по просьбе Сил. Этот интерес сулит Организации значительный прирост доходов за следующее десятилетие. Все это вы можете узнать из новостной Группы угроз. Но есть и другое обстоятельство, которое я пока попрошу оставить в секрете: пять дней назад к нам прибыл корабль из Трансценденции. Он утверждает, что напрямую контролируется Силой.

Стена за его спиной стала окном и продемонстрировала гостя. Суденышко оказалось хаотичным комком из шипов и шишек. Масштабная линейка удостоверяла, что размером кораблик всего пять метров.

У Равны волосы на затылке встали дыбом. Здесь, в Срединном Запределье, они неплохо защищены от капризов Сил. Тем не менее визит заставит понервничать.

— Что ему нужно?

— Информация о Страумлианском Искажении. В частности, о вашей расе — ею он интересуется особо. Он предлагает нам высокую цену за живого человека.

Равна ответила резко:

— Меня это не интересует.

Грондр распростер бледные руки, свет отразился от хитиновых наверхий пальцев.

— Возможности открылись бы колоссальные. Стажировка у богов! Взамен это существо обещает снабдить нас оракулом.

— Нет!

Равна подскочила в кресле. Она была всего лишь одиноким человеком больше чем за двадцать тысяч световых лет от дома. В первые дни стажировки ее это пугало. Потом она завела друзей, больше узнала про этику Организации, привыкла доверять местным почти так же, как и соотечественникам на Сьяндре Кей. Но... Сейчас в Сети только один оракул, возрастом почти десять лет, и доверять ему едва ли разумно. Сила соблазняла Оргу Вриними сказочным богатством.

Грондр, сконфуженно щелкнув, подал ей знак сесть на место.

— Я просто предложил. Мы не чиним насилия над своими сотрудниками. Если бы вы просто согласились поработать здешним экспертом...

Равна кивнула.

— Отлично. Если честно, я и не ожидал вашего согласия. У нас уже на примете доброволец, куда более расположенный к этой миссии, но его придется обучить.

— Человек? Здесь? — Равна оставила в локальном каталоге стандартный поисковый запрос на других людей. За последние два года таких обнаружилось трое, все проездом. — А как долго она... он... тут?

Грондр «смехольбнулся»:

— Чуть больше века, но мы это поняли всего лишь несколько дней назад. — Изображения вокруг него сместились. Равна узнала кладовку Маршрутизатора, местечко, куда в беспорядке сваливали заброшенные корабли и грузовозы. Кладовка располагалась всего в тысяче световых секунд от архивов. — Мы получаем много

одностороннего груза, который нам присылают в надежде, что мы его сумеем перепродать за долю или выкупим.

Масштаб укрупнился. Окно показало изношенный корабль длиной метров двести; осиная талия корпуса поддерживала ионный прямоточный двигатель. От шипов ультрадвигателей остались одни пеньки.

— Придонный люггер? — спросила Равна.

— Драга, — отрицательно шелкнул Грондр. — Этому кораблю примерно тридцать тысяч лет. Большую часть времени он провел глубоко в Медленной Зоне, да еще десять тысяч лет в Безмысленных Глубинах.

Теперь самый крупный план, и Равна увидела, что корпус весь испещрен дырами — тысячелетия эрозии на релятивистских скоростях дали о себе знать. Даже беспилотные экспедиции такого рода были редкостью: глубокое погружение делало невозможным возврат в Запределье за время жизни строителей корабля. Или даже всей расы строителей. Существа, запускавшие такие миссии, слыли чудиками; но те, кто брал на себя риск вернуть такие корабли, иногда получали солидную прибыль.

— Он из дальнего далёка, хотя нельзя сказать, что мы сорвали главный приз... В Безмысленных Глубинах не зарегистрировал ничего интересного — и это неудивительно, если учесть, как там глючит даже простая автоматика. Большую часть груза мы сразу же продали, остальное внесли в каталоги и забыли... до Страумлианского инцидента. — Звезды исчезли. Появился медицинский экран, продемонстрировав мешанину из частей тел. Вроде бы человеческих. — В звездной системе у самого дна Медленной Зоны драга выудила исковерканный корабль. Ультрадвигателей на развалюхе не было, так что, надо полагать, ее построили в Медленной Зоне. Система необитаема. Мы считаем, что подвела конструкция корабля или же на команду повлияли Глубины. Как бы там ни было, они все смерзлись в комок.

Трагедия на дне Медленной Зоны. Тысячи лет назад. Равна отвела глаза от искромсанных ошметков.

— Вы надеетесь продать это нашему гостю?

— Есть вариант получше. Покопались хорошенько и нашли существенную неточность в каталожной записи. Один труп почти не пострадал. Мы его подлатали за счет остальных. Дорогое удовольствие, но в итоге мы имеем живого человека.

Картинка снова изменилась. У Равны захватило дух. Включился ролик с записью операции: части тела комбинировались и возникало нормальное целое, чуть поврежденное в брюшном отделе. Кусочки сложились воедино, и... нет, не *она*, а *он* воспарил перед ней, невредимый, обнаженный, точно во сне. Равна не сомневалась, что это человек, но все люди в Запределье были ньюйорского происхождения. Незнакомец — нет. Кожа дымчато-серая, а не шоколадная, волосы каштаново-рыжие: такой оттенок ей встречался только в кино про доньюорскую эпоху. Расположение лицевых костей немного отличалось от современного. Отличия небольшие, но впечатляли куда сильнее, чем откровенная чужеродность коллег Равны.

Тело облачили в одежду. В иной ситуации Равна бы усмехнулась: Грондр ‘Калир подобрал человеку идиотский костюмчик ньюйорской эры. С мечом и пулевым пистолетом. Ни дать ни взять спящий принц из «века принцесс».

— Се первобытный человек, — изрек Грондр.

ГЛАВА 7

Маршрутизатор — вполне обычное название. Почти в любом окружении оно будет осмысленным. Как «Новый город» или «Новый дом», оно возникает снова и снова — куда бы люди ни направлялись, что бы ни колонизировали, где бы ни раскидывали коммуникационную сеть. Можно пролететь миллиард световых лет или провести в пути миллиард лет и снова обнаружить эти названия в среде, созданной естественным интеллектом.

В ту эру, однако, над всеми прочими доминировал один конкретный Маршрутизатор. Он участвовал в перенаправлении двух процентов всего трафика Известной Сети. Расположенный в двадцати тысячах световых лет над плоскостью Галактики, Маршрутизатор обладал превосходным обзором тридцати процентов пространства Запределья, в том числе и многих звездных систем у самого Дна, где корабли с трудом выжимали и один световой год в день. Несколько систем с достаточным содержанием металла были размещены столь же удачно, так что наличествовала конкуренция. Но пока остальные цивилизации теряли интерес к этому занятию, колонизировали Трансценденцию или погибали в апо-

калипсисе, Организация Вриними продолжала существовать. Минуло пятьдесят тысяч лет, лишь несколько рас исходной Организации сохранили членство в ней, и никто не удержал лидерских позиций. Впрочем, исходные ценности и стратегии уцелели. Позиция обеспечивает устойчивость. Маршрутизатор ныне стал главным посредником в обмене с Магеллановыми Облаками и одним из немногих сайтов, располагавших хоть какой-то связью с Запредельной зоной в галактике Скульптора.

На Сьяндре Кей о Маршрутизаторе ходили невероятные слухи. За два года стажировки Равна постепенно убедилась, что правда превосходит их все. Маршрутизатор располагался в Срединном Запределье; единственным предметом экспорта Организации служила сама маршрутная функция, с доступом к локальному архиву. А импортировали они лучшие биообразцы и вычислительное оборудование из Высокого Запределья.

Лишь исключительные богачи могли себе позволить нечто столь экстравагантное, как Причалы Маршрутизатора. Комплекс растянулся на тысячи километров: стыковочные платформы, ремонтные палубы, пункты межкорабельного транспорта грузов, парки, зоны отдыха. Нет, даже у Сьяндре Кей имелись более крупные хабитаты, но ведь Причалы были расположены не на орбите: они висели на высоте тысячи километров над Земстороньем, покоясь в самой грандиозной антигравеске из виденных Равной. Годового дохода научной сотрудницы на Сьяндре Кей хватило бы на квадратный метр антиграв-ткани, и прослужил бы этот жалкий клочок не больше года. Здесь же такой ткани были миллионы гектаров, и поддерживали они миллиарды тонн груза. Простая замена отмершей ткани требовала более интенсивной торговли с Высоким Запредельем, чем могли себе позволить большинство звездных скоплений. «Теперь я, я сама, работаю здесь». Прямое подчинение Грондру 'Калиру имело свои преимущества.

Равна откинулась в кресле и обвела взором центральное море. На высоте Причалов гравитация все еще составляла примерно $\frac{3}{4}g$. Срединную часть платформы обеспечивали атмосферой особые воздوخонтаны. Вчера она отправилась поплавать в этом море с прозрачным дном — наняла лодку. Как странно видеть облака планетной атмосферы под килем, а звезды и индиговое небо — над головой. Этим утром она устроила прибор — простое дело, поиграться с натяжением антиграв-ткани бассейна, и всё. Волны ритмично разбивались о край пляжа. Даже в тридцати метрах над водой воздух пах солью. Маршировали вдаль белопенные гребешки.

Она заметила, как по пляжу медленно движется какая-то фигура. Всего лишь несколько недель назад Равна и вообразить себе не могла ничего подобного. Всего-навсего несколько недель назад она ковырялась себе в архиве, занятая рутинной работой по обновлению и счастливая уж тем, что ее пустили в одну из крупнейших баз Известной Сети. Сейчас... Было похоже, что жизнь девушки описала полный круг, возвратив ее к детским мечтам о приключениях. Единственная трудность — Равна порой чувствовала себя сообщницей плохих ребят. Ведь Фам Ньюен живой человек, а не товар.

Она поднялась, пошла навстречу рыжеволосому гостю. При нем не было меча и пистолета, как в забавной анимации Грондра, но одежда — вязаная, как описывалось в древних историях, и держался он с ленивой уверенностью. После той встречи с Грондром Равна немного освежила свои знания по староземельной антропологии. Рыжие волосы и такого же золотистого оттенка глаза там встречались, хотя обычно не у одного и того же человека. А вот дымчатый цвет кожи для землянина был бы примечателен. Итак, этот парень, как и сама Равна, явился продуктом внеземной эволюции.

Он остановился на расстоянии вытянутой руки от нее и осклабился:

— А выглядите вы совсем как человек... Равна Бергсндот, верно?

Она улыбнулась, кивнула:

— А вы господин Фам Ньюен?

— Он самый. Мы оба безукоризненно вежливы...

Он прошел мимо девушки, под прикрытие крыши здешнего офиса. «А парень не промах». Она пошла следом, не вполне уверенная, как себя вести. Легко возомнить, что с человеком не будет проблем... Впрочем, завязать беседу не составило труда. Фама Ньюена собрали из ошметков больше тридцати дней назад, и большую часть этого времени он учил язык. Соображаловка у парня оказалась что надо: на торговом диалекте трисквелина он уже болтал с непринужденной легкостью. К тому же симпатичный... Равна уже два года провела вне Сьяндры Кей, а ей оставался еще год стажировки. Она держалась молодцом, и у нее появилось много близких приятелей, те же Эграван и Сарале. Но даже простой разговор с этим человеком опрокинул ее обратно в одиночество. В известном смысле воскрешенный был ей более чужд, нежели весь народ, крутившийся на Маршрутизаторе, и вместе с тем... ей хотелось крепко обнять его и поцелуями согнать с губ самоуверенную усмешку.

Грондр Вринимикалир говорил правду о Фаме Ньюене: парень с энтузиазмом отнесся к планам Организации. Теоретически это упрощало работу Равны, а на практике...

— Господин Ньюен, мои обязанности состоят в том, чтобы приспособить вас к новому миру. Я знаю, последние дни вас на-таскивали по полной, но существуют объективные пределы скорости обучения.

Рыжеволосый человек улыбался:

— Зовите меня просто Фам. Ну да, я себя чувствую туго набитым рюкзаком. Во сне меня преследуют голоса... я столько выучил, ничего не испытал... и, что еще хуже, я стал целью всего этого... инструктажа. Если Вриними намерена меня одурачить, так ей и следовало бы поступать. Вот почему я учусь пользоваться локальной библиотекой. Вот поэтому я настоял, чтобы они отыскивали кого-то вроде вас. — Он заметил изумление на лице девушки. — А, вы не в курсе! Видите ли, в разговорах с настоящим человеком мне, может, и посчастливится вытянуть что-то незапланированное. К тому же я всегда был отличным знатоком человеческой натуры. Думаю, для меня не составит труда вас прочесть.

Усмешка показывала, что он прекрасно отдает себе отчет в том, насколько раздражающе себя ведет.

Равна перевела взгляд на зеленые кроны деревьев. «Может, этот перец и заслуживает своей участи».

— Говорите, у вас отличный опыт работы с людьми?

— С поправкой на ограничения Медленной Зоны. Я там жил, Равна. Я там крутился. Я понимаю, что не выгляжу на свои годы, но мне шестьдесят семь субъективных лет. Думаю, Организация неплохо потрудилась, размораживая меня. — Он сделал жест в ее сторону, словно бы снимая цилиндр. — Последнее мое путешествие отняло более тысячи объективных лет. Я был военным программистом дальнего рейса Чжэн Хэ...

Внезапно глаза его распахнулись, и он промямлил нечто невразумительное. На миг в облике его проступила беззащитность.

Равна порывисто потянулась к нему:

— Память?..

Фам Ньюен кивнул:

— Проклятая память. За *это* я ваших сотрудников благодарить не стану.

Фам Ньюена замораживали по горячим следам лютой смерти, а не в плановом порядке. Почти чудо, что Орга Вриними вообще сумела воскресить его — во всяком случае, с технологиями Сре-

динного Запределя. Но с памятью дела обстояли сложнее всего. Химические основы ее плохо переносят хаотическое замораживание.

Крепкий орешек даже для Фама Ньюена: эго его разом ужалось на пару размеров. Равне стало жалко парня.

— Вряд ли все окончательно потеряно. Вы просто привыкайте смотреть на вещи под чуть иным углом.

— ...Да, меня так учили. Начинать с других воспоминаний, пробиваться в обход к тому, что не сумеешь вспомнить сразу. Ну что ж... это лучше, чем смерть. — Нахальство вернулось, но не в прежнем объеме — как раз до уровня очаровательности. Они долго болтали, и рыжеволосый искусно отыскивал обходные пути взамен тех, которые не мог вспомнить сразу.

И постепенно Равну охватило чувство, которого она от себя никак не ожидала в приложении к Медленной Зоне: восторг. За одну жизнь Фам Ньюен добился почти предельно возможного для выходца из Медленной Зоны. Равна издавна жалела запертые там, внизу, цивилизации. Им, быть может, никогда не суждена слава, им не узнать великой истины. Но этот человек преодолевал препятствие за препятствием — благоволением удачи или просто силой воли. Знал ли об этом Грондр, наряжая рыжего в костюм с мечом и пулевым пистолетом? Ведь Фам Ньюен и вправду варвар по происхождению. Он родился на затерянной колонии — сам он называл тот мир Канберрой. Место это, по описанию, походило на Ньюйору средневековья, только без матриархата. Ньюен был младшим ребенком в королевской семье. Он рос в мире мечей, ядов и придворных интриг, в каменных замках у холодного-прехолодного моря. Несомненно, младшего принца убили бы — а может, он сам стал бы королем, если бы жизни его суждено было средневековое продолжение. Но в тринадцатилетнем возрасте она изменилась навеки. Мир, знавший радиосвязь и летательные аппараты лишь по легендам, столкнулся с визитом инопланетных торговцев. Спустя год торговли с иномирцами вся феодальная политика Канберры перевернулась вверх тормашками.

— Чжэн Хэ инвестировали три корабля в канберранскую экспедицию. Они просчитались. Думали, мы на более высоком технологическом уровне. Мы не смогли пополнить их запасы, так что два из трех остались там и, полагаю, вывернули мой несчастный мир наизнанку. Я улетел на третьем. Папаша думал, что навязывает им удачную сделку. Повезло еще, что меня в космос не вышвырнули.

Чжэн Хэ состояла из нескольких сотен кораблей с ионными прямоточными двигателями и действовала в объеме сотен световых лет. Корабли их развивали скорость чуть ли не в треть световой. Занимались они главным образом торговыми, реже спасательными и еще реже — завоевательными операциями. По самым свежим данным от Фама Ньюена, они заселили тридцать миров и проработали уже три тысячи лет. Цивилизация настолько экстравагантная, насколько это вообще мыслимо в Медленной Зоне... И разумеется, до оживления Фама Ньюена никто в Запределье о них ни разу не слыхал. Чжэн Хэ разделила удел миллиона цивилизаций, погребенных на глубине тысяч световых лет в недрах Медленной Зоны. Лишь чудом некоторые из них выбирались в Запределье, где были реальны сверхсветовые полеты.

Однако для тринадцатилетнего мальчика, рожденного в мире цепей и мечей, Чжэн Хэ стала вызовом большим, нежели вся жизнь для многих. За считанные недели он прошел путь от наследника престола средневекового королевства до юнги звездолета.

— Сперва они толком не представляли, как со мной поступить. Думали запихать меня в гибернатор и посадить на следующей остановке. А что еще делать с пацаном, которому известен только один мир, и к тому же плоский? А мальчишкой, который всю свою жизнь упражнялся махать мечом?

Он резко замолчал, как это с ним происходило каждые несколько минут, когда поток интроспекции вторгался на поврежденные участки. Затем взгляд его метнулся к Равне, и усмешка обрела привычный нахальный оттенок.

— А я ведь был обычным представителем своего вида. Вряд ли цивилизованные люди понимают, каково это — расти, зная, что собственные дядья и тетки замышляют избавиться от тебя, и учиться доставать до их глоток первым? Хотя в цивилизованной Галактике я встречал злодеев и покруче — некоторые не моргнув глазом спалят целую планету и назовут это миротворческой операцией. Однако такого беспримесного коварства, как в детстве, не видывал больше нигде.

По утверждению Фама Ньюена, лишь слепое везение уберегло экипаж от состряпанного мальчишкой заговора. За последующие годы он пообтесался и обзавелся манерами поприличнее. Должным образом укрощенный, звереныш смог стать идеальным капитаном Чжэн Хэ. И много лет им был. Сфера влияния Чжэн Хэ охватывала пару инопланетных рас и значительное число челове-

ческих колоний. На скорости в 0.3с Фам десятилетиями отлеживался в гилбернаторах, кочуя от звезды к звезде, затем год-другой посвящал отчаянным попыткам заработать на товарах и информации, которые могли к тому времени безнадежно устареть. Репутация Чжэн Хэ обеспечивала ему некоторую защиту. «Политики приходят и уходят, алчность же пребывает вовеки» — гласило флотское кредо, и действительно, компания пережила большинство своих клиентов. Даже религиозные фанатики побаивались связываться с Чжэн Хэ, памятуя, какими мерами воздействия располагают торговцы. Чаше, впрочем, на выручку приходили таланты и хитрость капитана. Немногие могли состязаться в этих умениях с мальчиком, который оставался жить внутри Фама Ньюена.

— Я стал почти идеальным шкипером. Почти. Меня всегда интересовало пространство за пределами зоны, о которой имелись достоверные сведения. Каждый раз, сколачивая значительное состояние, такое значительное, чтобы запустить собственную субфлотилию, я ставил все на кон ради безумного шанса и проигрывал. Я слыл самым чокнутым на флоте. В одном полете я командовал пятью кораблями, а в следующем мог скатиться до рядового техника-программиста на каком-то контейнеровозе. Учитывая, как растягивается время в условиях досветовой торговли, неудивительно, что репутация легенды, даже гения, следовала за мной сквозь множество поколений. Другие же сделали мое имя нарицательным для обозначения пустопорожного болвана.

Он сделал паузу, глаза его расширились от приятного изумления.

— Ха! Я вспомнил, чем занимался под конец. Я был в болванской части цикла, но это не слишком важно. Женщина, капитан флотилии из двадцати кораблей, психичка покруче меня... не могу вспомнить ее имя. Ее?... Да нет, невозможно; я ведь никогда не служил под началом женщины. — Он размышлял вслух. — В любом случае, этот... парень готов был рискнуть всем ради перспективы, о которой обычные люди только за пивом гутарят. Он нарек свой корабль, э-э, по-вашему будет «Дикий глупыш» — уже можете получить представление. Он полагал, что где-то во Вселенной должны отыскаться по-настоящему высокотехнологичные цивилизации. Трудность лишь в том, чтобы их найти. И самое странное, он даже почти додумался насчет Зон. Но оказался недостаточно чокнут. Одну маленькую деталь он понял неверно. Догадываетесь, какую именно?

Равна кивнула. Учитывая, где обнаружили останки Фама, ответ был очевиден.

— Ага. Готов побиться об заклад, сама идея древнее космических полетов: старшие расы должны обитать в галактическом ядре, где звезды расположены гуще и полно всякой высокоэнергетической экзотики типа черных дыр. Он повел туда весь свой флот — двадцать кораблей. Они рассчитывали найти кого-то — или что-то... — остановиться, основать колонию. Капитан полагал, что достичь успеха за время нашей жизни маловероятно, но, распланировав все как следует, реально пробиться в плотную область, где, скорее всего, найдется новая Чжэн Хэ, а оттуда продвинуться еще глубже. В любом случае, мне подфартило попасть к ним хотя бы программистом. Капитан был обо мне достаточно наслышан.

Экспедиция продлилась тысячу лет. Они пролетели двести пятьдесят световых лет к сердцу Галактики. Сфера влияния Чжэн Хэ располагалась ближе ко Дну Медленной Зоны, чем Старая Земля, а оттуда они пошли еще глубже. И все равно — им просто не повезло зацепить край Глубин всего через двести пятьдесят световых лет пути. «Дикий глупыш» терял контакт с остальными кораблями — они пропадали один за другим. Иногда это случалось без предупреждения, подчас появлялись признаки отказа компьютеров или просчета команды. Выжившие подметили закономерность и решили, что проблема в надежности обычных компонентов. Разумеется, никто не связал ее с областью пространства, куда они вторглись.

Мы сбавили скорость с таранной, отыскиали звездную систему с приемлемой для жизни планетой. Мы почти всех потеряли... Я толком не понимаю, что там стряслось.

Он издал сухой смешок.

— Видать, мы совсем отупели, коэффициент интеллекта упал где-то до шестидесяти. Я помню, как дурачился с системами жизнеобеспечения. Наверное, эти шуточки нас и погубили. — На миг лицо его стало грустным и отрешенным. Потом он передернул плечами. — А потом я проснулся в нежных тенетах Орги Вриними, там, где реальны сверхсветовые полеты... там, откуда виден край самих Небес.

Равна молчала. Оглянулась через плечо на прибор. Они долго проговорили: солнце забиралось под древолепестки, световые пятна блуждали по кабинету. Грондр хотя бы понимает, с кем имеет дело? Почти любой артефакт из Медленной Зоны обладал коллек-

ционным статусом. Живые существа оттуда ценились еще выше. А Фам Ньюен, кажется, совершенно уникален. Он лично испытал больше, чем довелось многим цивилизациям, и погрузился в самые Глубины. Она теперь понимала, отчего он заглядывается на Трансценденцию и называет ее Небесами. Это не просто наивность, не ошибка образовательных программ Организации. Фам Ньюен испытал два перехода, полностью поменявших его жизнь: из человека дотехнологической эпохи стал звездолетчиком, а из звездолетчика — запредельцем. Каждый из них по отдельности — прыжок почти невероятный. Теперь он увидел возможность для следующего шага и с готовностью ухватился за нее.

«Так зачем мне рисковать работой, пытаюсь его переубедить?» Но губы уже задвигались, словно обретая собственную жизнь:

— Но почему бы не отложить Трансценденцию, Фам? Дайте себе труд разобраться, как обстоят дела в Запределье. Вас охотно примут почти в любой цивилизации. На человеческих планетах ваш визит станет событием эпохи.

Просверком доннойорского человечества. Местные группы новостей Сьяндры Кей считали поступок Равны — рвануть на стажировку за двадцать тысяч световых лет — неслыханно амбициозным. По возвращении она могла бы выбрать себе постоянную ученую должность на любом из дюжины миров. Но рядом с перспективами Фама Ньюена ее собственные планы меркли: найдутся богачи, готовые без раздумья подарить ему целую планету, лишь бы он остался.

— Вы вольны называть свою цену.

Ленивая усмешка рыжего стала шире.

— О, понимаете ли, я ее уже назвал и думаю, что Организация согласится.

«Хотела бы я что-нибудь сделать с этой ухмылочкой», — подумала Равна. Билет Фама Ньюена в Трансценденцию оплачен внезапным интересом Силы к Страумлианскому Искажению. Его невинное эго может в итоге размазаться по миллиону смертькубов, властвуя над миллионом миллионов симуляций человеческого естества.

Звонок Грондра последовал меньше чем через пять минут после ухода Ньюена. Равна знала, что Орга за ними шпионит, и уже высказала Грондру свои возражения по поводу эдакой «продажи» разумного существа. И все же она немного разнервничалась.